БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ЛЕНИНЦА

№ 22

ИННОКЕНТИЙ ЖУКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗВЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

В СТРАНУ ЧУДЕС

ГОСУД. ОБР. ТИПО-ЛИТ. „КРЕМПЕЧАТЬ" КРЕМЕНЧУГ

Иннокентий ЖУКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗВЕНА „КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ“ В СТРАНУ ЧУДЕС

ПОВЕСТЬ

Рис. худ. С. Варича

здание Всеукраинского О-ва Содействия Юному Ленинцу
арьков
1924

Кременчуг, Р. У. П. № 1191.
Гос. обр. типо-лит. им. т. Петровского Г. И. № 3491—20.000

В лагерь!

Вы думаете в Индию?.. В тропические страны? Совсем нет!

Ни в какую страну чудес не собирались «Красные Звезды». Они просто собрались в конце июня отправиться на несколько дней в лагерь, в лес на берег небольшой горной речки, стекающей с предгорьев Урала.

Пошли они в самый обыкновенный пионерский лагерь, а попали в страну чудес, и совсем не в Индию и не в тропические страны.

Впрочем, надо рассказывать по порядку. Прежде всего позвольте познакомить вас с путешественниками.

Вот они: звено «Красной Звезды» 2-го Лысогорского отряда юных ленинцев-пионеров.

Ребята все хорошие, дружные. Звено перед этим отпраздновало свою годовщину, и это их еще больше сблизило.

Вот их имена и фамилии: Костя Черняков, Миша Суровцев, Ваня Петенко, Коля Сабуров, Коля Чернов, Сережа Ступин, Моня Гирш и Гриша

Степанов; с ними снялась на фотографии и их звеновая собачка Шарик.

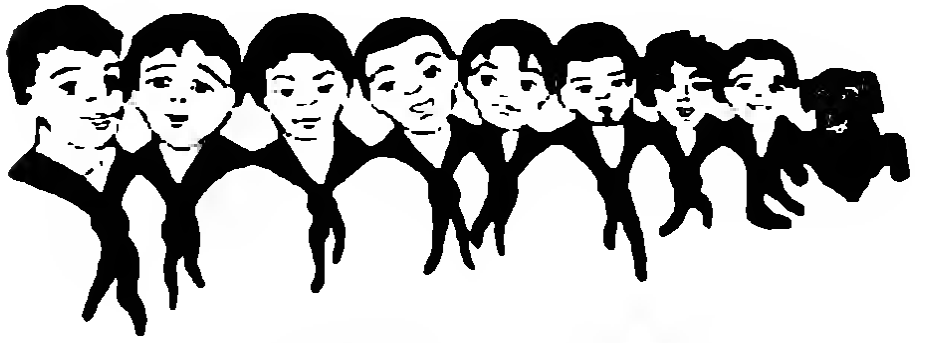


Рис. 1. Звено „Красной Звезды".

Я не буду на этом снимке обозначать, где кто стоит. Постарайтесь догадаться, который из них вожатый звена—Сережа Ступин.

Опытному глазу всегда не трудно узнать вожатого звена, если звено хорошее, дружное. Ведь звено всегда и во всех отношениях равняется по вожатому.

Сережу «Красные Звезды» любили и за ним пошли бы не только в лесной лагерь, но и на край света, если бы земля была в роде тарелки, а не в роде арбуза, у которого никакого края нет. Но это мы так, к слову.

Вышли они из Лысогорска уже после 5-ти час. вечера. Конечно, это не хорошо, что так поздно. Но, во-первых, Гришу Степанова отец утром отпра-

вил по какому-то делу на лошади за 20 верст в деревню Выдрино, и он вернулся только после обеда; во-вторых, Коля Чернов потерял топорик, целых два часа искал его дома и в клубе, а без топорика он итти не хотел.

Вот почему только в 5 час. дня, в полном походном снаряжении, с флажком, с заплечными мешками, с лопатками, топориками и прочим имуществом «Красные звезды» вышли из города, направляясь к синеющей вдали на горизонте полоске леса.

Солнце уже стало припекать землю раскаленными лучами, и оно спускалось на отдых, изнемогая от зноя.

«Красные Звезды» бодро цепочкой шли по дороге, вдыхая запах полевых трав и слушая стрекотание кузнечиков.

— Шарик!.. Шарик!—вскрикнул Ваня Петенко. Все оглянулись. По дороге из города быстро катился к ним Шарик,маленькая лохматая собачка звена «Красные звезды».

Рис 2. Шарик.

— И как это мы его забыли,— сказал Сережа, и в голосе его был оттенок неловкости и смущения.

Шарик был общим любимцем звена, его составною частью, и забыть его было, действительно, непростительно. Поэтому, когда он, с высунутым языком и тяжело дыша, подбежал, все окружили его, всем хотелось как-нибудь приласкать его, загладить свою вину. Моня Гирш откупорил походную фляжку, вылил на землю немного воды, но земля, иссушенная зноем, выпила ее прежде, чем Шарик ее заметил. Тогда Сережа взял на руки Шарика. Миша руками открыл ему рот. Моня пытался влить ему в рот воды, но из этого ничего не вышло. Шарик вырвался и стал весело бегать по полю, гоняясь за вспугнутыми кузнечиками.

Пошли дальше, а до леса все еще было далеко... Сережа, как вожатый, шел впереди с флажком, а за ним, ступая в его следы, остальные. Пробовали петь «Картошку», но на ходу это было трудно. Оглядывались иногда. Позади осталось все привычное, знакомое, впереди маячило новое, незнакомое, неизведанное, а в кармане вожатого лежало ответственное поручение Совета Вожатых: «Обследовать Кайда-

ловский лесопильный завод и, кроме этого: сколько древесных пород составляют Кайдаловский лес, собрать их листья; кто из насекомых живет и работает на деревьях. Дома определить и выставить коллекции в пионер-клубе и сделать доклад о лагерной жизни и работе звена».

Солнце уже касалось земли, когда наши «Красные Звезды» вошли в лес.

Сразу стало прохладно и как-то по-новому тихо. Сделали привал. Сережа достал из кармана карту, разостлал ее на земле. Все улеглись возле нее и стали в десятый раз изучать маршрут, знакомиться с лесными дорогами и тропинками.

По одной из таких тропинок они и должны были пойти в глубь леса до берега лесной речушки Кайдаловки.

Отдохнув немного, звено тронулось в путь. Чем дальше они углублялись в лес, тем становилось все темнее, молчаливее и угрюмее. Надвигалась ночь.

Шарик уже не скакал, сломя голову, по сторонам дороги, а молчаливо и деловито бежал впереди звена по тропинке.

Коля Чернов и Моня Гирш, самые младшие в звене, немного волновались, но старались это скрыть.

— Тут раньше было, говорят, много волков, теперь нет ни одного: всех охотники перебили,—сказал Сережа. После этих слов стало не так жутко. Костя стал даже насвистывать марш. Пошли в ногу, и стали четко отпечатываться их шаги в тишине наступавшей ночи.

Вдруг Шарик остановился, насторожил уши и залаял... Тявкнул один-другой раз и снова настороженно стал прислушиваться...

Сделали еще несколько шагов, стараясь ступать мягче.

И вот то, что они увидели за поворотом тропинки, заставило их снова остановиться.

Впереди в одном месте горела земля на тропинке. Так им показалось сначала.

Но не было дыма, и свет на земле был какой-то неподвижный...

Не начинается ли лесной пожар?— мелькнуло в сознании у всех.

Всякий страх пропал. «Красные Звезды» бросились вперед за своим вожатым на охрану леса: так должны были поступить ленинцы-пионеры Советской России.

Никакого пожара не было, но то, что было, не поддавалось никаким об'яснениям.

Земля, кругом в 3 аршина, светилась ровным молочным светом. На этом светящемся пятне мусор хвои образовал свои причудливые узоры.

— Что это такое? Окно в земле??! «Звезды», обступив светящееся пятно, наклонились и старались разгадать причину этого таинственного света. Нос Шарика также принял участие в этом расследовании.

В просветах мусора сквозила хрустально-матовая блестящая поверхность, излучавшая молочно-белый свет, необыкновенно приятный для глаз.

Сквозь матовую поверхность не было видно ничего. Но исследование нужно было довести до конца. Шарик первый, фыркая, стал носом разгребать мусор, за ним последовали и остальные...

1957...—четыре цифры ослепительно-ярко горели на поверхности таинственного круга.

1957... что это значит?—номер это или год?... Но прежде чем кто-нибудь успел высказать свое предположение, новое событие, неожиданное, невероятное, обрушилось на «Красные Звезды»... Исчез вожатый Сережа Ступин.

Он нечаянно ступил обоими ногами в светящийся круг и... и его не стало.

Его исчезновение было до того невероятно, что глаза отказывались верить.

Рис. 3. „1957... четыре цифры ослепительно ярко горели на поверхности таинственного круга".

Провалиться он не мог, т. к. поверхность светящегося хрусталя была цела.

— Сережа!.. Сережа!.. где ты?—кричали пионеры. Не шутка же это его... не спрятался же он в кустах возле?.. Обыскали кусты... В поисках усердно принимал участие Шарик. Но Сережи нигде не было.

— Я сам видел, как он спустил и исчез.

— И я видел.

— И я тоже.

Ваня Петенко взял камень и несколько раз стукнул им по стеклу. Ждали ответа... но только молчание этой странной ночи было ответом.

— Сломаем «окно»! — предложил кто-то.

Ваня Петенко размахнулся и изо всех сил бросил камень, но на стекле даже трещинки не появилось.

Стали бросать еще и еще, но с таким же успехом.

— Вернемтесь домой... расскажем... позовем сюда, — предложил Коля Сабуров.

Может быть, кто нибудь из вас, читатели, нашел бы это предложение самым благоразумным, но... это потому, что вы не знаете, кто такие ленинцы-пионеры. Разве можно было, потеряв вожатого, бросить его и предложить другим, чужим людям, отправиться на его поиски?

Нет, такие поступки не в обычае у пионеров и ленинцев.

Но что делать?.. Они стояли на тропинке, которая привела их в этот заколдованный лес, и не знали, что делать.

— Одно остается,—сказал решительно помощник вожатого Миша Суровцев,—пойти за ним: всем встать в круг, всем исчезнуть.

От этих слов всем стало страшно...

— Неужели мы струсим и, как трусы, одни без Сережи вернемся домой? Вы, как хотите, а я пойду за ним...

— И я с тобой!—сказал Коля Чернов.

— И я!—сказал Ваня Петенко.

— Да все пойдем! Что тут разговаривать, ребята. Неужели у нас есть трусы?

— Сережа!—крикнул Моня Гирш с робкой надеждой.

— Се-ре-жа!—коллективно крикнуло все звено. Но ночь была попрежнему молчалива.

В прорезе леса вверху над ними виднелось небо, усеянное мерцающими звездами.

— Ну, становись, ребята!—сказал Миша.

Все очень серьезные, бледные встали так, как они остановились, когда слышали эту команду.

— По команде: раз! два! три! все в круг! Приготовьтесь!

— Стойте... стойте! А Шарик?!

— Костя, возьми Шарика на руки,— строго и деловито сказал Миша.

Общее волнение передалось Шарику, и он тихо скулил, когда его брал на руки Костя.

— Приготовься! Раз! Два! Три! Марш!

И звено во главе с мужественным Мишей вступило в круг.

Светящиеся ребята.

НАЧАЛА им показалось, что ничего особенного не случилось. Кругом их был тот же лес. Они шли по тропинке. Впереди их, как прежде, шел Сережа Ступин, а впереди бежал Шарик. Все было как прежде, но... небо над лесом было совсем другое, и тропинка, по которой они шли, совсем другая. Небо было озарено каким-то ярко-оранжевым светом. Источника этого света не было видно, но чувствовалось, что он где-то там, за темною завесою леса.

Тропинка была выложена из кирпичей какой-то стекловидной массы и тянулась без всяких извилин прямо, как по линейке. Да и лес теперь, когда они к нему приглядились, был совсем иной: не было хвороста, мусора, упавших деревьев, пней. Он был какой-то строгий, деловитый, а не такой неряшливый и запущенный, как прежде.

— Я ничего не понимаю... где мы?— сказал Моня Гирш, но никто ему не ответил. Да и не успел бы ответить.

— Смотрите! Смотрите! Что это?!

Далеко-далеко на стеклянной тропинке показался свет.

Ребята остановились. Было видно, что свет движется по направлению к ним.

— Спрячемся!.. сказал Костя.

— Да, занимай места на разведку! приказал Сережа, и все по его команде бросились и спрятались в соседних кустах.

То, что они увидели, было совсем необычайно. По тропинке к ним приблизились и прошли мимо них восемь ребят, в таких же костюмах, как и они, с звеновым красным флажком, но и флажок и костюмы их светились зеленоватым светом, совершенно таким же, каким светится Ивановский червячок, светлячок, ночью.

— Не призраки ли это?.. сказал со страхом маленький Гриша.

— Молчи!.. Призраков не бывает!.. строго прошептал Сережа.

То, что они услышали затем, изумило их также очень и вместе с тем успокоило.

Спереди идущий свепящийся малъчик на самом обыкновенном русском языке сказал:

— Площадка № 117... Это пеперь педалеко. Там привал до утра.

Светлые ребята прошли.

«Красные Звезды», зачарованные всем виденным и слышанным, тихонько последовали за ними.

Вдруг Шарик залаял...

Гриша, которому бабушка задурила голову всякими вздорными рассказами о призраках, испугался и сделал уже движение бежать назад. Моня присел. Ваня хотел схватить Шарика и зажать ему рот, но Шарик отскочил в сторону и продолжал лаять.

Вдруг раздался отрывистый и короткий свист Сережи, и все ребята бросились к вожатому.

Время точно остановилось. «Красные Звезды» ждали, что будет дальше, готовые ко всему.

Свет светящихся невиданных ребят вдруг погас. Их точно скрыл черный занавес ночи.

Настороженно слушали их инженеры. Учащенно колотилось сердце в груди звена.

И вот совсем близко, как на экране кино, засветилась снова одежда маль-

чика-светляка и послышался его голос, в котором однако не было ничего страшного и угрожающего.

— Кто вы, ребята, и откуда?

— Из Лысогорска,—ответил Сережа,—пионеры-ленинцы звена «Красные Звезды». Мы заблудились, не знаем, где мы... Шарик!!!! Да замолчи ты!!, Костя, возьми Шарика... А вы кто и откуда?

— Мы ленинцы-пионеры звена «Вечный Костер». Идемте с нами на площадку 117, там отдохнем и поговорим.

Теперь наши ребята рассмотрели вожатого «светляков»; у него, как и у них, на шее был красный пионерский платок, рубашка, трусики и заспинный мешок. Все это излучало голубоватый свет.

Свисток, какой-то особенный, гармоничный и приятный—и вот оба звена тронулись в путь по стеклянной тропинке. Впереди—светлые, сзади—темные. Гулко отдавались их шаги во мраке ночи.

Не прошло и пяти минут, как перед ними слева в темном коридоре леса открылась площадка.

То, что потом случилось, показалось нашим ребятам каким-то фантастическим сном. А случилось вот что:

Прежде всего раздался снова приятный, как прекрасная музыка, свисток вожатого «светлячка». Затем его голос:

— Радиосвет!

И вот два светлых мальчика вышли из звена и быстро обежали полянку, разбрасывая на деревья и кустарник что-то подобное лепесткам бумаги, мелко изрезанной. Двое других разложили на земле целый ворох таких же лепестков и сгребли их в кучу. Еще один светящийся мальчик в это время сидел уже на земле с каким-то ящичком и ждал сигнала вожатого.

— Контакт!

— Есть контакт!

И вот случилось то, от чего глаза лысогорских ребят широко раскрылись от изумления и неожиданности: вся поляна, все деревья вокруг заискрились необычайно красивыми разноцветными блестками, а ворох лепестков посредине зажегся оранжевым огнем, излучавшим тепло и свет.

Восхищенные всем виденным «Красные Звезды» молчали.—Ну, садись, ребята,—опять просто и по-товарищески сказал вожатый звена «светлячков».

И светлые и темные уселись, и светлые тотчас стали темными. Их одежды перестали светиться.

Когда все стали усаживаться вокруг оранжевого костра, наши ребята внимательно рассматривали своих новых знакомых.

Ребята, как ребята: ничего особенного. Так показалось им сначала, и только впоследствии они узнали, что между ними, лысогорскими пионерами, и этими ребятами есть довольно значительная разница. Но не будем забегать вперед.

— Ребята, не будем терять времени: до сна у нас осталось часа полтора. Мы должны прежде всего познакомиться друг с другом, потом мы должны по радиофону сообщить радиотелеграмму в ЦБЮП отчет о выполненном поручении и сообщить о встрече с пионерами Лысогорска. Да?

— Да!!!—дружно ответили «светлячки».

— Пусть из экономии времени каждое звено приготовит свои вопросы другому звену. Даю на это 3 минуты. Но прежде всего узнаем, кого как зовут. Начнем с меня.

— Меня зовут Нипутс Ажерес,— вожатый звена «Вечный Костер».

— Меня — Ворубас Ялок, — сказал один из «светлячков».

— Меня—Коля Сабуров.

Меня... Меня... Меня... послышался обмен имен и фамилий.

Потом звенья разошлись и стали подготовлять свои вопросы. Звено «Красные Звезды»: Коля Чернов— Спросим, откуда они.

Моня Гирш:—Спросим, отчего они светятся.

Ваня Петенко:—Нет, узнаем сначала, отчего засветились деревья и из чего сделан огонь в костре. Отчего у них такие странные фамилии и имена.

Миша Суровцев: — Пусть скажут, отчего небо ночью теперь совсем не такого цвета, как было раньше.

— Смотрите, смотрите, северное сияние, — и Миша указал на небо. Но это не было северное сияние: на небе ярко горели цифры и условные буквы.

Что это? Ответить на это было некому: «светляки» совещались, вырабатывая свои вопросы.

Свисток, и вот оба звена снова у костра.

— Спрашивайте вы,—сказал вожатый Нитутс Ажерес.

— Хорошо,—ответил Сережа Ступин. Отчего светилась ваша одежда, когда мы шли по тропинке?

Этот вопрос до крайности поразил «светлячков», и они с улыбками и удивленьем смотрели на Сережу, задавшего такой вопрос.

— Вы этого не знаете?!... Скажи им, Аширг.

Беседа у костра в лесу.

ОГДА заговорил самый маленький из пионеров «Вечного Костра», Аширг.

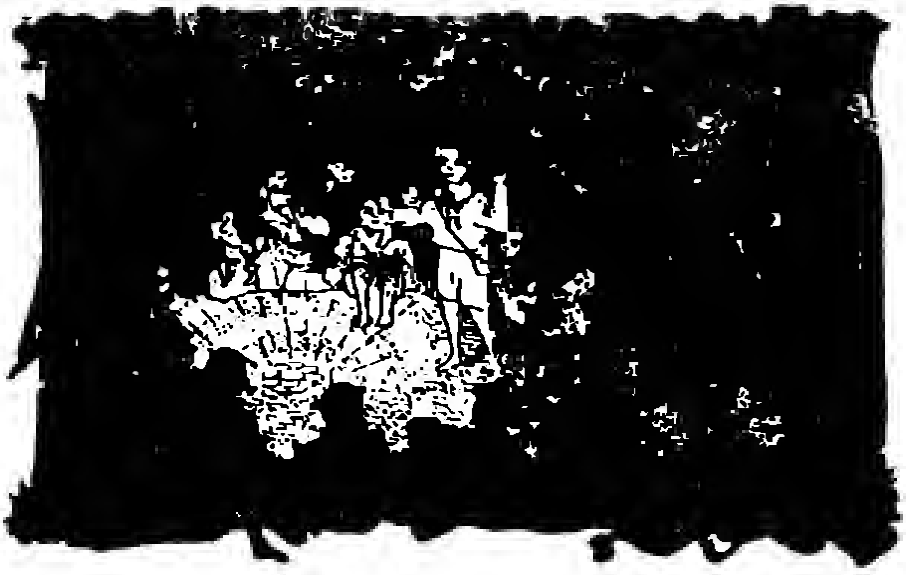


Рис. 4. И вот заговорил самый маленький из пионеров „Вечного Костра".

Было видно, что он привык излагать свои мысли и, повидимому, считал себя спецом в этом вопросе.

— Ну, вот, слушайте... В августе 1933 г. радиофон разнес по всему миру известие, что скандинавскому ученому шведу Ингриду удалось в своей хими-

ческой лаборатории разгадать тайну свечения Ивановского червячка.

В последующие годы тысячи фабрик на всем земном шаре занялись изготовлением светящихся тканей напитанных особым химическим составом и соединенных с карманными аккумуляторами особого вида энергии

Беспроволочная передача этой энергии была изобретена гораздо раньше, и это дало возможность и нам вот здесь в лесу устраивать такое чудесное освещение, или вот... смотрите...—Он достал из сумки горсть тонких разноцветных бумажных кружочков, бросил их вверх, нажал кнопку стоящего возле ящичка, и бумажные лепестки закружились по воздуху, как сотни светящихся разноцветных бабочек.

— Как красиво!... невольно вырвалось у Вани Петенко, как красиво Светящиеся листики усеяли траву вокруг и заискрились на голове и плечах сидящих ребят.

— Точно во сне... Не верится даже.. сказал вслух Коля Сабуров. Только как же ты сказал, что тайна светляка была разгадана в 1933 году, а ведь у нас теперь только 1924 г.?...

Вы и представить себе не можете, как весело засмеялись пионеры «Вечного Костра», когда Коля Сабуров произнес эту фразу.

Так же засмеялись бы и мы, читатели, если бы кто нибудь с самым серьезным лицом сказал бы нам, что теперь ведь 1884 год.

Мы подумали бы, что он шутит.

— Не смейтесь: я говорю правду— с обидой в голосе произнес Коля.

— Значит, вы люди начала «Великой мировой революции»?, с улыбкой спросил Нипутс Ажерес.—Вы пришли из 1924 года?.. Это интересно... Тебе, Ворубас, надо их порасспросить хорошенько, ведь ты у нас историк.

— Но что же было после 1924 г.?— с интересом спросил Костя Черняков.

— А вот спроси нашего «профессора»... И, правда, Ялок, прочти-ка нам лекцию по истории.

Эти слова относились к пионеру Ялоку Ворубасу, мальчику 14 лет, с большим лбом и вдумчивыми серьезными глазами.

Прозвище «профессор» шло к нему, как нельзя больше.

Из скромности он стал было отпекиваться, но, видя серьезный инте-

рес и внимание со стороны пионеров звена «Красные звезды» и, может-быть, польщенный вниманием, он начал рассказывать о великой героической борьбе рабочего класса за свое освобождение.

Сначала он говорил несколько сбивчиво, подбирая слова, но затем его речь потекла плавно, увлекательно и захватила внимание слушателей.

— Ребята, вы, конечно, знаете, что в 1924 году алое знамя социальной революции развевалось только в Советской России; только в этой стране вся власть принадлежала рабочим и крестьянам, на всем же остальном пространстве земного шара хозяйничала тяжелая рука жадной буржуазии, угнетавшей рабочих и крестьян. Но уже в этом году в Западной Европе и в других странах то там, то здесь вспыхивали восстания рабочих и росла Коммунистическая партия—вожатый революционных борцов. Десятки и сотни тысяч молодых рабочих, комсомольцев, стекались под красные знамена революции.

В последующие годы пламя революционного пожара перекинулось в Германию, Бельгию, Францию, Италию, Англию, в Америку...

На всем просiранстве земного шара развернулась смертельная и последняя борьба двух гигантов: Труда и Капитала.

Советская Россия (СССР), восстановившая к тому времени свое хозяйство, Москва и Кремль были цитаделью, несокрушимой крепостью, а Коминтерн—генеральным штабом всемирной армии восставших рабочих и крестьян.

Рис. 5. Москва и Кремль были цитаделью, несокрушимой крепостью.

Героическая Красная армия, как мощный бронированный кулак, наносила удар за ударом редевшим армиям приспешников капитала.

Еще несколько лет прошло в мучительной, но героической борьбе, и вот красными знаменами, как красными цветами, украсилась вся земля.

Великий Союз Советских Социалистических Республик, возникший в 1923 году, вобрал в себя добровольно все народы земли и превратил ее в мирную, мировую, трудовую коммуну.

Навсегда прекратились на земле войны.

Освобожденное человечество сделалось хозяином на земле. С исчезновением гнета и насилий просвещение широкой волной разлилось по земле. Величайшие научные открытия и изобретения постепенно сделали жизнь людей на земле легкой и радостной—праздничной, но конечно, не праздной.

Быть-может, вы спросите, что же делали ленинцы-пионеры в эту эпоху революционных бурь.

В 1924 году их было в Советской России всего лишь 90.000, да столько же в Западной Европе, но руководимое Коммунистическим Союзом Молодежи, разветвленным по всему миру, детское движение, как снежный ком, уже в последующие годы насчитывало в своих рядах сотни тысяч и миллионы ребят, мальчиков и девочек, охваченных пламенным стремлением помочь в борьбе и строительстве свои отцам и старшим братьям.

Из них вырастали стойкие, мужественные комсомольцы, а потом и члены Великой Коммунистической Партии.

В годы революционных войн многочисленные, прекрасно дисциплинирован-

ные отряды наших братьев-пионеров не только обслуживали тыл вместе с организациями женщин, но и оказывали существенные услуги пролетарским армиям на фронте.

В газетах того времени вы найдете много описаний подвигов отрядов, звеньев и отдельных ленинцев-пионеров. Особенно замечателен подвиг звена белорусских пионеров, которые в 1929 году доставили в осажденный фашистскими войсками Париж весьма важные документы и радиошифр.

Впрочем об этом я расскажу вам в один из следующих вечеров, если только вы не откажетесь вместе с нами путешествовать завтра и в последующие дни. Мы покажем вам нашу страну и то, как мы теперь живем.

— Вы, ребята, очень раздразнили наше любопытство и, конечно, мы будем страшно рады все это узнать,— ответил за всех Сережа Ступин.

Зачарованные всем виденным и слышанным, наши ребята совсем забыли про еду, и только теперь голод дал себя знать. Первым напомнил об этом Шарик, который вначале мирно лежал у Мони Гирш, а потом стал громко и с большим аппетитом обнюхивать чей-то заспинный мешок, ле-

жавший на траве. Всем захотелось есть. Стали доставать булки, сухари, колбасу.

— Ребята, а как же варить чай будем,—вдруг спросил Ваня Петенко. Был огонь, но какой-то не настоящий, да и валежника вряд ли можно достать в этом аккуратном и прибранном лесу.

Но не успели они пораскинуть умом, как то, что они увидели, поразило их. «Светляки» (так они их прозвали) в одну минуту в каком-то легком, но большом котле вскипятили воду, не ставя котел на огонь, а опустив в воду какую-то блестящую пластинку, соединенную с тем же черным яличком, и через минуту вода уже кипела.

Но что особенно удивило ребят, так это их пища, которую они предложили и нашим ребятам: небольшие кубики и шарики, необычайно приятные на вкус (но это не были конфеты).

От предложенного им лысогорского угощения они деликатно отказались, хотя с любопытством рассматривали и колбасу, и булки. Отведавшим кубики нашим ребятам колбаса и хлеб показались уж не такими вкусными, и они отдали Шарику больше, чем он мог съесть.

Я не могу удержаться, чтобы не рассказать еще об одном событии. Виновником его был Шарик. В то время, когда Шарик заканчивал уже свой ужин, один из «светлячков» гладил его шерсть.

Вдруг он в ужасе отскочил от него с возгласом: Ффу, паразиты! и с брезгливой гримасой стал вытирать руку. Не прошло и минуты, как два других «светлячка» схватили Шарика и, несмотря на его сопротивление и визг, оттащили от костра и привязали к дереву.

— Как это может быть?—с возмущением говорил нашим лысогорцам Нипутс Ажерес. Как это может быть, чтобы у собаки, да еще у пионерской, были паразиты?

Наши ребята могли бы сказать, что на это в Лысогорске никто не обращает внимания, но никто этого почему-то не сказал. Вместо этого, Сережа только растерянно произнес: —А разве у ваших собак нет блох?

— Конечно, нет. Ведь уже давным давно, лет двадцать тому назад, все домашние животные были освобождены от паразитов путем применения химической бани. Такие бани кое-где сохранились еще и теперь. Завтра

вашу собаку придется отправить в баню, иначе вам придется держать ответ пред муниципальным комитетом чистоты домашних животных.

Шарик отчаянно визжал и рвался к своим друзьям, но они помочь ему никак не могли. Помог один «светлячок». Он вложил в кусок колбасы маленькую лепешечку и бросил ее Шарику. Шарик с'ел и через три-четыре минуты уже крепко спал.

Пора была ложиться и всем ребятам. Необычайно приятно прозвучал свисток Ажереса. «Светлячки» стали укладываться спать, подостлав под себя легкие, мягкие прорезиненные матрасики и подушки. Стали укладываться и наши ребята. Сквозь сон они слышали, и даже видели, как Никите Ажерес, наклонившись над трубкой радиофона, говорил кому-то невидимому: Площадка 117. Юго-Восток. Докладываю. Чрезвычайно интересная встреча: ребята из 1924 года. Посылайте утром радиолет. Подробности завтра...

Утро.

Было утро свежее, солнечное, светлое, когда громкий свисток Никиты Ажереса заставил всех пробудиться. Все, что случилось накануне, теперь показалось нашим лысогорским пионерам сном, приснившимся минувшей ночью. Но, протерев глаза и осмотревшись, они увидели, что это не был сон. Кругом на поляне поднимались и одевались их новые товарищи-пионеры с такими странными фамилиями...

На окраине поляны визжал, привязанный Шарик, а посреди полянки один из «светлячков» убирал вчерашний, старый костер в мешок. Да, и мешок.

Он собрал в мешок кучу «бумажек» излучавших вчера тепло и свет, и на месте костра, как прежде, зеленела трава.

Надо было вставать... Моня Гирш и Гриша Степанов—самые маленькие из наших ребят — любили дома поспать и поваляться, хотя они недавно и записались в пионеры, теперь чувство-

вали большую неловкость, видя, как быстро и деловито поднимались и одевались «Светлячки»...

Тогда они также быстро поднялись и принялись одеваться и приводить в порядок свой костюм, чистить зубы,—нельзя же было оскандалить свое звено, а оскандалить можно было, да и как еще. Все ребята наши чувствовали, что «Светлячки» были сделаны точно из другого теста. Это было видно по всему: и по тому, как они быстро и деловито все делали, и по тому, как они быстро и деловито построились, когда минут через 10 прозвучал свисток их вожатого. Построились и наши ребята.

Никита Ажерес, который, как старший, принял команду над обоими звеньями, вышел вперед и сказал:

— Ребята, будьте готовы! Вчера ночью я уведомил по радиофону ЦБЮП о нашей интересной встрече с лысогорскими пионерами из 1924 года. Все заинтересованы. К 10 часам будет подан радиолет. Мы покажем нашим гостям наш город Афу и все, что есть интересного в нем и кругом него. Это будет программа нашего сегодняшнего дня, а потом, если не откажутся наши новые друзья, и если мы

получим разрешение ЦБЮП, мы на радиолетах совершим с ними кругосветное путешествие, но об этом мы еще поговорим... А пока здоровый заряд в легкие свежего воздуха! Расправим мускулы и освежимся в реке! Приготовьтесь!..

Никогда еще в жизни так радостно не проделывали наши ребята гимнастические упражнения, как в это свежее утро под команду весело улыбающегося Нипутса Ажереса. Затем оба звена, цепочкой ступая друг другу в следы, бодрым, легким шагом отправились купаться на реку. На полянке остался лишь дежурный «светлячок» и жалобно воющий и взвизгивающий Шарик.

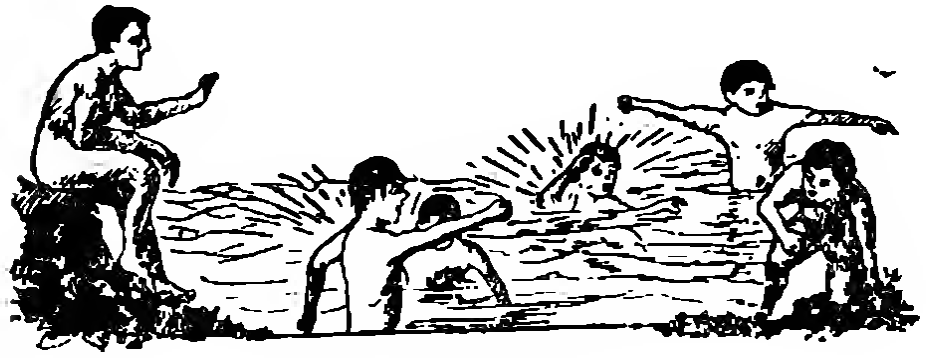


Рис. 6. Что было на реке

Река оказалась совсем близко...

А что было потом на реке, вы сами знаете: бросались с берега в воду,

плавали, кувыркались, ныряли, брызгались, фыркали, отдувались, а потом катались на горячем прибрежном песке и снова бросались в воду, плавали в перегонку, плавали на спине, на боку, по саженке... и наши ребята опять убедились в превосходстве и в этом своих новых знакомых: среди «светлячков» не было ни одного сутулого, горбатого, узкогрудого, а среди лысогорцев такие были.

Все «светлячки» были, как на подбор — хорошо сколоченные, крепкие, сильные. Все они плавали, как рыбы, и знали лучше приемы плавания.

Потом ребята узнали, что не только их новые знакомцы, но и все ребята, каких им только ни приходилось встречать, были такие же крепкие, здоровые и сильные.

Освободившиеся от капиталистического рабства трудящиеся всего мира создали новую здоровую жизнь на земле, наука научилась побеждать и предупреждать болезни, и новые люди рождались и вырастали крепкими, сильными, стальными.

Ежедневные занятия физкультурой укрепляли их мускулы, выпрямляли позвоночный столб и заставляли легкие дышать легко и свободно.

Но всего этого пока еще не знали, не видели наши ребята. Они весело возились с «светлячками» в воде и на берегу. Как вдруг в воздухе вверху послышалась музыка. Все подняли головы.

— Что это?—спросил с любопытством Гриша Степанов.

— Радиолет... —ответил спокойно свепилячок Аширг Вонапетс.

Но не успел Гриша спросить, что такое «радиолет», как из-за леса в небе появился летательный аппарат, несколько похожий на наш аэроплан, извлекавший при полете музыкальные звуки. Крылья его были прозрачные, как у стрекозы. Описав над лесом и над рекой круг, он точно остановился в воздухе на мгновение и стал спускаться вертикально вниз, медленно и спокойно, при чем видно было, как на его спине работал пропеллер особой конструкции. Он спускался на площадку № 117, где провели эту ночь пионеры.

Наши ребята торопливо одевались (им хотелось поскорее увидеть радиолет), несколько «светлячков» еще ныряли и плавали, но свисток вызвал и их из воды.

Еще свисток, и оба звена в стройном порядке шагали обратно.

Солнце поднялось значительно выше, грело сильно, но ребята после купанья чувствовали себя еще более крепкими и бодрыми.

— Запевай, Янав,—предложил Ажерес Нипунс одному из своих ребят.

И вот раздалась песня звена «светлячков», бодрая, как-то особенно звонко звучащая, дружная. «Светлячки» пели о том, что «кончилось царство насилия и злобы», что «в мире господствуют радость и труд».

В песне были прогрессивные слова о миллионах братьев-рабочих, погибших в борьбе за мировую коммуну, и бодрыми словами в ней воспевались доблесть отважных борцов революции... Невозможно было с одного раза запомнить слова этой прекрасной песни, но слушали наши ребята ее с большим наслаждением, она хватала их за самое сердце.

— Ну, а теперь вы спойте нам— предложил Ажерес нашим ребятам... Быть-может, вы споете нам старинный гимн «Интернационал», который пели рабочие всего мира в дни Великой Борьбы... Нам очень интересно будет послушать его из уст современников... Мы тоже его знаем и любим петь... Остановимся, его петь на ходу неудобно.

Стали в круг. Вожатый Сережа Ступин встал посередине. Лица у всех стали серьезными. Наши ребята чувствовали всю серьезность и важность этой минуты.

Петь «Интернационал» они любили, но нужно ведь было спеть его так, чтобы не осрамиться и дать почувствовать этим ребятам, не знавшим борьбы, всю красоту и торжественное величие боевого гимна революционных бойцов.

Сережа Ступин вполголоса сказал:

— Раз, два, три... и вот раздались звуки нашего великого гимна, сначала неуверенные, а потом окрепшие и крепнущие с каждой строфой.

Дружно и хорошо пели пионеры «Красной звезды». Их голоса звучали, как никогда прежде, крепко, уверенно и дружно. Постепенно к ним присоединились и «светлячки», зачарованные воодушевлением наших ребят.

«Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской»...

Дружно пели ребята; и в каждом звуке, и в каждом слове этого гимна слышалась железная, непреклонная уверенность в победе миллионов рабочих,

боровшихся за новый мир, за коммунизм.

Кончили. Пошли дальше. Пенье «Интернационала», общее воодушевление еще больше сблизили оба звена. Враз, отчетливо и крепко звучали их шаги на стеклянной тропинке, по которой они приблизились к площадке № 117, половину которой теперь покрыл своими прозрачными крыльями радиолет.

Наши ребята, которые шли впереди, невольно ускорили шаг; перед ними было грандиозное и вместе с тем грациозное, изящное сооружение из какого-то белого металла и вещества, похожего на слюду, или тонкое, но необычайно прочное стекло.

Напрасно Шарик, привязанный к дереву, радостно прыгал, махал хвостом, весело лаял, взвизгивал при виде своих друзей; на него теперь никто не обращал внимания.

Все бросились к радиолету и стали его осматривать.

— А где же мотор?— спросил Миша Суровцев.

— Ах, это то, что было прежде на аэропланах... — сказал «светлячок» по фамилии Вецворус Ашим.

Их уже нет, а есть вот что... и он указал на маленький прибор в виде ящичка—приемник лучевой энергии...

— А на чем играл летчик? —спросил Моня, вспоминая музыку в небе во время купанья.

— Старые аэропланы при полете издавали неприятное однообразное гудение, производимое пропеллером, рассекающим и толкающим воздух. Теперь эту воздушную струю направляют в особый прибор, издающий музыкальные звуки.

Поэтому у нас каждый радиолет имеет как бы свой голос, свою музыкальную мелодию, которую, впрочем, можно по желанию заменять другой. Радиолеты наши также настраивают, как настраивали когда-то ваши рояли.

— А где же летчик?—спросил опять Моня. Он уже осмотрел и радиолет, и все, что было кругом, и не нашел того, кто прилетел на радиолете.

— Радиолет прилетел без летчика. В нем нет теперь надобности...

Да, впрочем, мне кажется еще в ваше время уже делались первые попытки с земли управлять подводными лодками и аэропланами, путем электрических волн разной длины. Теперь

передача энергии без проводов, по воздуху, уже давно самое обыкновенное дело...

Ну, да вы это сами скоро увидите...

В это время, когда ребята с таким интересом осматривали радиолет, дежурные «светлячки» приготовили для всех чай... Впрочем, этот напиток, необыкновенно питательный и приятный, не был похож по вкусу ни на чай, ни на кофе, но все же что-то он напоминал по вкусу нашим ребятам, но что, так ни один из них и не мог вспомнить. «Светлячки» этот напиток называли «далекош».

Возле каждого стакана лежали те же вкусные кубики, которые они пробовали вчера вечером и которые им так понравились...

Прежде чем занять свое место, Гриша Степанов вспомнил о Шарике-друге, достал из своего заспинного мешка остатки колбасы и сыра и отнес Шарику. Вслед за ним один из «светлячков» принес Шарику в мисочке порцию «далекоша» и несколько кубиков.

Окончив завтрак, все заторопились собрать свои пожитки и занять места в радиолете.

На радиолете.

ОГДА все уселись в уютную кабинку радиолета, Ажерес Нипупс достал свой карманный радиофон и стал говорить кому-то невидимому:

— «Юго-Восток... площадка № 117. Направление Северо-Запад—2-73-45».

Затем нажал какую-то кнопку. Пропеллер вверху завертелся сначала тихо, а потом все быстрее, и аппарат стал отделяться от земли...

Вдруг резкий, отчаянный крик Мони врезался в музыкальную мелодию пропеллера:

— Шарик!.. Шарика забыли!..Опять! И правда: сверху было видно, как отчаянно прыгал вверх Шарик, привязанный к дереву, визжал и истерически лаял.

Нипупс Ажерес повернул рычаг, и радиолет медленно стал опускаться на землю.

Моня Гирш и Ваня Петенко бросились к Шарику, едва радиолет при-

коснулся к земле, но им дорогу преградил Нипутс Ажерес.

— Нет! Подождите, ребята... Вы забыли, что у него паразиты... В кабинку взять его нельзя... Пожалуй лучше его оставить здесь, а после пошлем за ним санитарный радиолет.

— Нет, нет,—жалобно сказал Моня, —давайте возьмем теперь!

В тоне его голоса было так много любви и заботы о Шарике, что Нипутс Ажерес уже не стал настаивать на своем предложении... Но как увести его со всем его грязным живым багажем? Ажерес задумался, но не надолго...

— Ребята, давайте сюда все веревочки, какие у кого есть, и один платок.

Было исполнено. Ажерес связал все веревочки, обвязал Шарику платком живот, привязал к платку веревку, другой конец которой прикрепил к радиолету.

Моня и Ваня заняли свои места. Ажерес поместился у рычага, надавил его, и радиолет снова отделился от земли с приятной для слуха, все усиливающейся мелодией пропеллера. А после радиолета отделился от земли Шарик и полетел вслед за своими друзьями, тихо скуля.

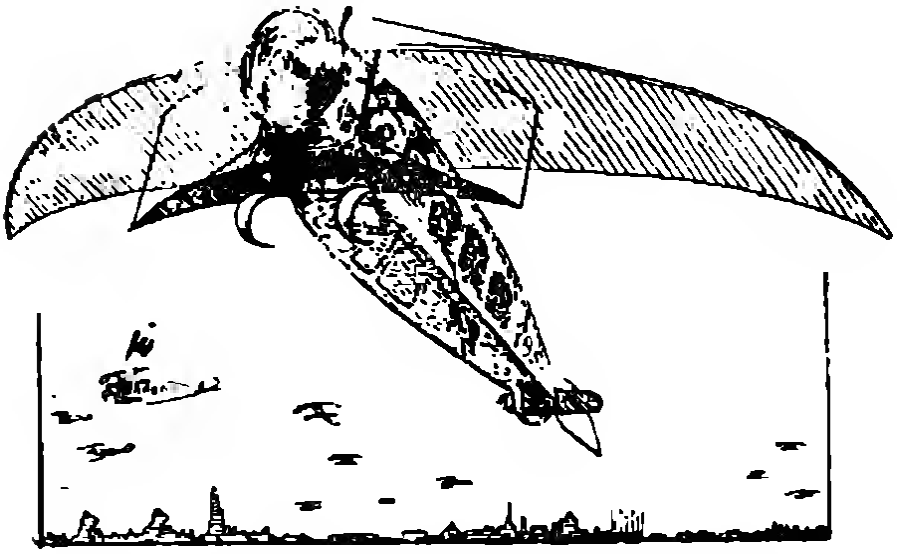


Рис. 7. А вместе с радиолетом полетел и Шарик.

Было жалко Шарика, летящего под ними с судорожно растопыренными лапами, но жалеть его было некогда нашим ребятам.

Они летели уже высоко над землей и, высунувшись из окон кабинки, с интересом рассматривали чудесную панораму, расстилавшуюся под ними. Точно огромная географическая карта лежала под ними. Серебряной лентой извивалась речка среди зеленеющих полей. Чернели там и тут правильными квадратами пятна леса. Грядами тянулись горы, уходя в безграничную даль.

Было и жутко и радостно нашим ребятам лететь на такой большой высоте над землей.

— Смотрите! Смотрите!.. сколько птиц! Целая стая!.. вскрикнул Миша Суровцев и показал пальцем впереди себя.

— А вон еще и еще... Целый караван!.. прибавил Моня Гирш.

— Это не птицы, улыбаясь сказал один из «светлячков».

И правда, это не были птицы. Наши ребята в этом скоро убедились. Это были одноместные маленькие радиолетки, юркие и подвижные, и большие радиолеты, вмещавшие сотни пассажиров и летевшие с важностью больших и солидных птиц.

В 1924 году аэропланы были еще сравнительно редкостью, и люди больше ходили и ездили по земле, но к 1957 году воздушное сообщение сделалось наиболее распространенным способом передвижения людей и грузов, таким же, как в наше время езда на лошадях, велосипедах и автомобилях.

Но наши ребята ничего этого не знали еще и теперь с огромным интересом и изумленьем смотрели на тысячи аэролетов, несущихся по воздуху в разных направлениях и сверкающих своими прозрачными крыльями в синеве июльского неба.

— Смотрите: бразильские аэролеты!.. вскрикнул один из «светлячков».

Мимо них и над ними летела целая стая сверкающих аэролетов с четырьмя буквами на крыльях «B. S. S. R.» — Бразильская Советская Социалистическая Республика, и с девизом на языке эсперанто «Estu preta!», что значит: за рабочее дело «Будь готов!»

— Да, это они! Делегация бразильских ленинцев-пионеров, летящих на всеуральский слет пионеров... с живостью сказал Нипутс Ажерес.

— Ну, «Красные Звезды», везет же вам: вы попадете сегодня как раз к открытию слета.

— С'езда... поправил Ваня Петенко.

— Нет,—слета! Это вы с'езжались по земле, а мы уже давно слетаемся по воздуху, улыбаясь ответил «светлячок» Янав.

— Что это там на горе за странные сооружения с высокими мачтами и с какими-то шарами на них?..

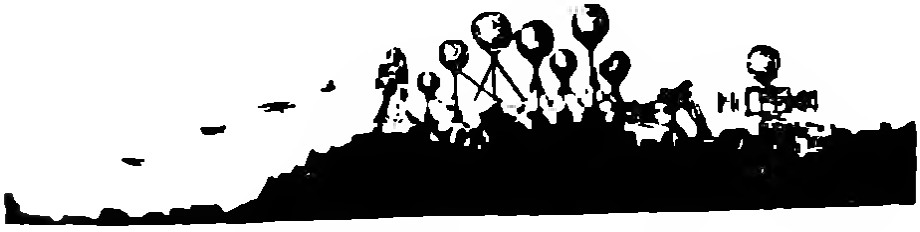


Рис. 8. Это окружная нимбофактура.

— Это окружная нимбофактура.

— Что это такое?—с интересом спросили наши ребята.

— Ну, в ваше время этого еще не было. Это, если можно так выразиться, «фабрика туч»,—станция, вызывающая атмосферные осадки: летом дожди, а зимою снег.

Вероятно, вы делали экскурсии на ваши метеорологические станции... Вы знаете, что на них в ваше время изучали состояние атмосферы, направление ветров, температуру, и на основании этих данных ученые могли тогда делать кой-какие предсказания предстоящей погоды, но делать погоду в ваши времена еще не могли, хотя кой-какие опыты и тогда уже делались.

Искусственное испарение водных бассейнов, искусственное сгущение атмосферных водяных паров в наше время дают возможность нашим нимбофактурам производить дожди, когда они нам нужны, и рассеивать дождевые тучи, когда они вредны для наших посевов.

Наука подчинила себе погоду.

Вот, смотрите, работают наши тракторы на полях...

Радиолет снизился, и наши ребята с любопытством стали наблюдать

работу гигантских тракторов, возделывающих землю.

Могучие стальные чудовища с большой быстротой двигались по земле и взрыхляли почву.

— У нас пашут весной, в апреле, в мае, сказал Миша Суровцев.

— Мы научились ускорять созревание хлебов, ответил Никитс. Майские посевы уже собраны. Теперь в июле снова производится вспашка и засев.

— Что это? Что это?! — вскрикнул Коля Сабуров, показывая пальцем.

Ребята с удивлением увидели, как один из гигантских тракторов, у которого выдвинулись по сторонам крылья, вдруг стал подниматься на воздух и полетел, как огромный жук, наполняя воздух гудящим жужжанием.

— А железные дороги и пароходы у вас есть?—спросил Моня Гирш.

— Кое где еще сохранились, но мы предпочитаем теперь воздух земле и воде,—улыбаясь ответил один из «светлячков».

— Неужели лошадей у вас теперь нет? с интересом спросил опять Моня.

— Есть, конечно, но только в музеях и зоологических садах и парках. Но работа животных нам теперь не

нужна. Машины все делают лучше и скорее.

Чем дальше летел радиолет, тем оживленнее становилось движение радиолетов по воздуху.

Никита Ажерес вынул из кармана трубку радиофона, передвинул на ней цифры и сказал кому-то:

— Здравствуйте, товарищ... Уже возвращаетесь?... Все ли благополучно в звене?.

И наши ребята слышали, как голос, исходящий из другого конца трубки, явственно ответил:

— Все благополучно, товарищ Никита. Лечу на слет... А что это за зверь болтается у вас на веревочке?

— Это пионерская собака из 1924 года... потом расскажу...

А радиолет все летел вперед с гармоничной негромкой мелодией.

— Смотрите!.. Опять целая стая аэропланов,—показал Сережа Ступин.

Выстроившись в небе правильной колонной, впереди неслась целая эскадра аэролетов.

— Это две тысячи уральских рабочих полетели на экскурсию—в гости к братьям-рабочим в Италию.

Видите, на головном аэролете слова привета:

«Привет Итальянской Советской Социалистической Республике от уральских товарищей-рабочих!..»

Эскадра неслась на юго-запад. Сотни мелодично-звучащих аэролетов этой эскадры, гармонично настроенных, уносились в даль с оркестровой музыкой звуков.

Наши ребята широко раскрытыми глазами смотрели на это невиданное зрелище, а под ними уже было предместье гор. Афу. Но какого города!.. Совсем не похожего на их Лысогорск.

В лучах июльского солнца он весь сверкал и переливался световыми бликами, утопая в зелени садов и парков. Город из стекла и стали!

Лысогорские ребята еще не знали, что в последующие годы громоздские и опасные постройки из камня и дерева отошли в область истории, и люди научились строить дома из стали и матового двойного стекла. Такие дома не горели, не разваливались, были гигиеничны, удобны во всех отношениях и служили людям безмерно долгое время.

И вот над таким городом они летели на радиолете. Они различали огромное движение по улицам города, они видели множество аэропланов, пла-

нирующих на плоские крыши домов и поднимающихся с них. Всюду было движение и напряженная деловая жизнь.

Радиолет снижался. Еще несколько минут, и он, замедлив ход, остановился в воздухе и стал опускаться вниз при помощи пропеллера на своей спине и перестановки плоскостей.

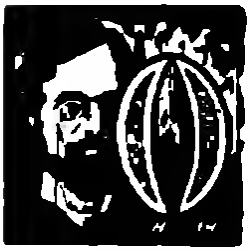
Как только аппарат прикоснулся к площадке, те же два «светляка» отцепили Шарика от радиолета и по указанию Ажереса обвязали его, или лучше сказать, запеленали его в красные пионерские платки, так что у него из них смешно торчал только пятачек носа. Как ни жаль было нашим ребятам Шарика, но поделать ничего нельзя было.

Ребята осмотрелись: огромная плоская крыша из молочно-белого стекла вмещала десятки других аэролетов со сложенными на спине раздвижными крыльями. Сновали туда и сюда пассажиры радиолетов. Работали под'емные машины. Медленно вертелись колеса радиаторов, собирающих солнечную энергию.

— Построиться!.. послышалась команда Ажереса Нипутса.

И ребята, выстроившись, вошли в кабинку спуска.

Всеуральский слет юных пионеров.



ГРОМНЫЙ зал из молочно-белого стекла и сплали вмещал десятки тысяч пионеров, слетевшихся со всего Урала.

Посреди этого зала на особой эстраде, где обычно в наше время помещается президиум, возвышались световые экраны и рупоры-радиофоны.

В этом океане пионерских голов трудно было бы, и даже невозможно, отыскать, где разместились наши лысогорские ребята и пионеры звена «Вечный Костер». Говор десятков тысяч ребят напоминал немолчный шум морского прибоя.

Но вот точно в назначенное время, в 2 часа 15 мин., день превратился в полную ночь, и в темноте на огромном экране наши ребята увидели президиум. Среди наступившего безмолвия рупор-радиофон громко, ясно и отчетливо передал слова председателя: «Товарищи, об'являю всеуральский слет

пионеров открытым. Исполним гимн всемирного освобожденного труда».

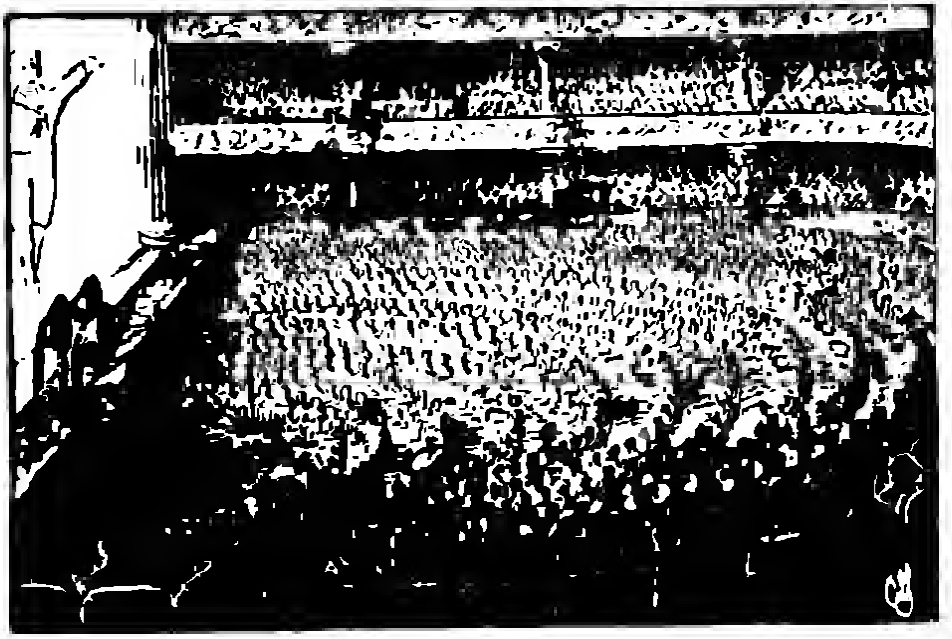


Рис. 8. Рупор радиофона передал слова председателя.

Никогда прежде наши ребята не слышали гимна более величественного.

И снова голос председателя с живыми и ясными глазами:

— А теперь, прежде чем перейти к деловой части нашего слета, заслушаем слова приветствия от наших бразильских братьев, прилетевших сегодня.

И наши ребята увидели на экране отряд бразильских пионеров и услышали их слова:

— «От имени пионеров Бразильской Советской Республики мы приветствуем 143-й всеуральский слет пионеров.

Мы много знаем о Вашей настойчивости и энергичной работе. Мы уполномочены пригласить вас пожаловать к нам в Бразилию на юбилейный праздник южно-американских ленинцев-пионеров.

Мы улетаем обратно через два дня и будем безмерно рады, если тысячи уральских пионеров полетят вместе с нами на наш праздник.

Гром аплодисментов был ответом на эти слова. И снова голос председателя.

— Теперь позвольте вам представить редких, небывалых и дорогих гостей нашего слета: звено пионеров-ленинцев из 1924 года!..

Луч света упал на наших ребят, сидевших в зале, и они увидели себя на экране, увидели свое смущение и то, как они неловко построились, и услышали потом громко на всю залу смущенную и немного сбивчивую речь Сережи Ступина:

— Мы... тоже приветствуем с'езд уральских пионеров... Мы из Лысогорска... у нас тоже будет с'езд. Мы при-

ветствуем вас всех... Наше звено называется «Красные Звезды». Мы очень хотим быть такими, как вы, так же работать настойчиво, дружно и энергично...

В ответ снова грохот аплодисментов.

Видно было, что наши ребята понравились слету.

Вот что сказал председатель в ответ на слова Сережи:

— Товарищи, нам никогда еще не приходилось видеть ребят современников Великой Октябрьской Революции. Это дети рабочих, тех самых рабочих, которые участвовали в самых лютых и жестоких схватках с врагами рабочего класса. Эти ребята видели своими глазами героическую борьбу двух гигантов: труда и капитала. И они по мере сил и возможности помогали своим отцам и старшим братьям в этой борьбе. Привет наш и слава ленинцам-пионерам 1924 года. (Гром аплодисментов). Пусть они, когда возвратятся к себе домой, передадут своим отцам, братьям и матерям горячую признательность от тех, кто жил после них. Никогда эта признательность героям великой борьбы не изгладится из памяти всего освобожденного

человечества. Слава героям, погибшим в борьбе!.

Буря аплодисментов... Снова луч света упал на наших ребят, и они увидели себя на экране смущенно и радостно раскланивающимися.

Собрание перешло к деловой части слета. Тут только Гриша Степанов первый из ребят вспомнил о том, что Шарика нет с ними... Он сказал об этом на ухо Моне, Моня—Сереже...

Тревога закралась в сердце ребят. Не забыли ли его связанного на крыше-площадке?.. Где теперь Шарик?.. что с ним?..

Шарик пропал.

Мысль о возможной потере Шарика не давала ребятам возможности внимательно слушать деловую часть заседания. Им хотелось, чтобы заседание скорее кончилось, и они могли бы отправиться на поиски Шарика-друга.

А собрание между тем обсуждало весьма интересный вопрос об участии в следующем 1958 г. во всемирном пионер-конкурсе по обследованию Африки. Условия этого африканского конкурса, разработанные мировым Бюро Детдвижения, были следующие:

1) Аэрофлоту приготовиться и перевезти в промежуток времени с 1—15 мая 1958 г. и высадить на восточных, западных, северных и южных берегах Африки конкурирующие национальные пионер-отряды.

2) Всем отрядам будет дана одна и та же задача: проникнуть внутрь страны на 100 километров и обследовать пройденный путь в географиче-

ском, этнографическом, зоологическом и др. отношениях.

3) К осени собранный материал — коллекции, рисунки, фотографии и пр. доставить в Москву на экспедиционную конкурсную выставку.

4) Конкурирующие отряды должны выдвинуть докладчиков.

5) Жюри из представителей Мирового Общества географов и естествоиспытателей произведет оценку экспонатов и докладов и присудит призы.

Первый приз — эскадра подводных лодок в 200 шт.

Второй приз — флотилия радиолетов в 150 шт.

Третий приз — отряд автомобилей в 100 шт.

Было видно, что этот конкурс очень заинтересовал собравшихся. Было решено принять в нем участие и в виде подготовки к нему теперь же назначить предварительный конкурс приуральских отрядов по обследованию Урала.

Единственным призом этого конкурса сделать: право на участие в мировом африканском конкурсе.

Вторым вопросом был вопрос о помощи северо-сибирским детям.

Северная Сибирь с ее огромными лесами и тундрами и в 1957 г. была еще страной относительно отсталой. Население ее, хотя и оставило уже кочевой образ жизни, все же нуждалось в культурной и всякой иной помощи.

После целого ряда оживленных деловых предложений собрание приняло резолюцию:

1) присоединиться к постановлению английских ленинцев-пионеров и организовать на севере Сибири «форпосты» культурной работы среди туземных детей, 2) лагерный сезон всем отрядам по очереди отбывать на этих форпостах и 3) для обслуживания форпостов и связи с Уралом выделить эскадру радиолетов.

Во время обсуждения этих вопросов наших ребят поражала дисциплинированность собрания: никто не шумел, не разговаривал с соседом, мешая ему слушать, как это часто они наблюдали на своих собраниях. Не было также длинных речей и пустословия. Ораторы говорили кратко и деловито.

Собрание закончилось. Стало снова светло и шумно. Открылись многочисленные двери, и отряды пионеров стали в порядке расходиться.

Около наших ребят оказались Нипутс Ажерес и его пионеры.

— Теперь к нам в гости... сказал Нипутс, приветливо улыбаясь.

— А Шарик?.. Где Шарик?.. тревожно спросили в один голос Моня и Коля.

— Шарик?.. И наши ребята увидели растерянность на лице Нипутса. Увидели, как он торопливо достал из кармана трубку радиофона, торопливо передвинул на ней какие-то цифры и, волнуясь, спросил:

— Лифт спуска 127 — 137.. Осмотрите, пожалуйста, площадку. Не на ней ли у стены лежит красный сверток? Жду ответа.

С величайшим нетерпеньем, затаив дыханье, ждали лысогорские ребята ответа.

Прошла минута, две, три... пять... семь... десять... и, наконец, голос из трубки явственно произнес:

— Нет!..

Бледные и растерянные стояли наши ребята. «Шарик исчез».. «Шарика нет».. у всех в голове болезненно отзывались эти мысли.

Первым очнулся Нипутс. Голосом снова твердым он отдал распоряжение:

— Трое: Аширг, Янав и кто нибудь из «Красных Звезд» отправятся на поиски

Шарика.. Взять с собой радиофоны. В 8 час. в., где бы вы ни находились, буду слушать ваши доклады. Желаю успеха! Будьте настойчивы и внимательны.

Лысогорцам всем хотелось отправиться на поиски Шарика-друга, но Сережа выбрал из них Моню Гирш.

Серьезные, с сознаньем всей ответственности и важности поручения, трое ребят сейчас же вышли из строя и, немедля ни минуты, отправились на поиски Шарика.

Грустные, озабоченные стали выходить из зала собраний и наши друзья вместе с ребятами Нипупса.

На улице.

ЛИШЬ только они вышли на улицу, необычайная картина невиданного города, деловая жизнь, шум и движение заглушили тоску по Шарику.

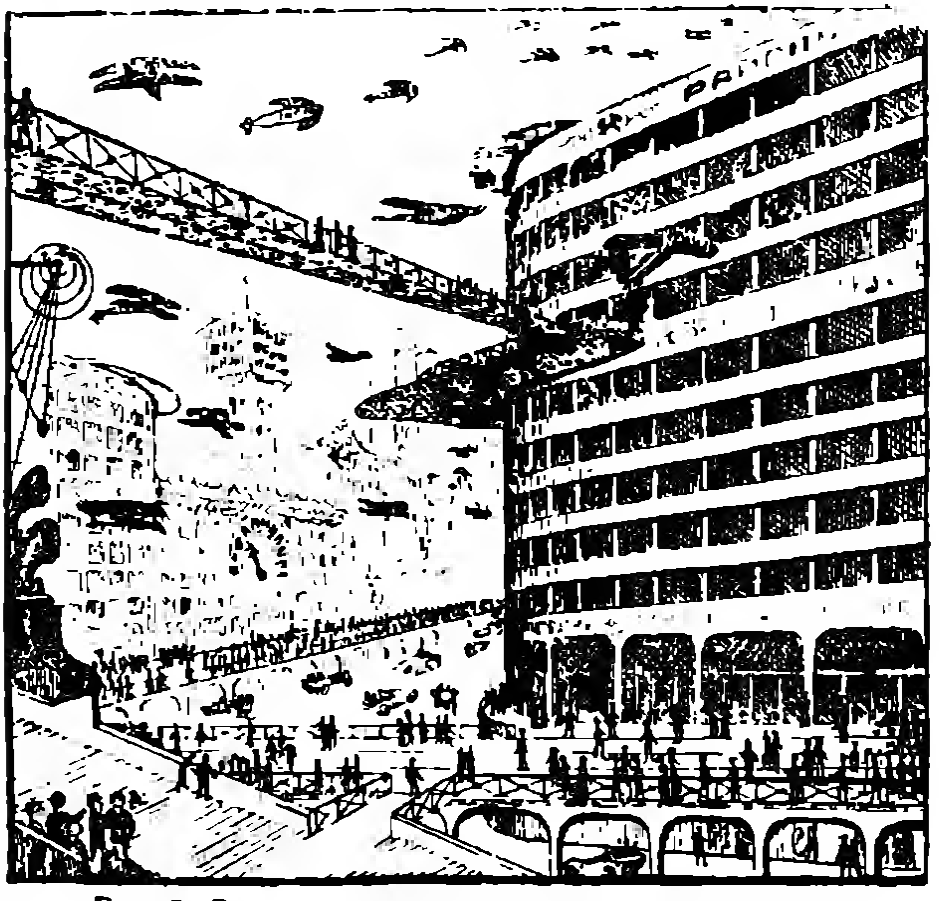


Рис. 9. Они спускались по широкой лестнице.

Они спускались по огромной, широкой лестнице, а внизу перед ними направо и налево двигались, не сливаясь одна с другой, две быстро бегущие реки людей. Но что особенно их удивило: люди двигались, не передвигая ног.

Движущиеся тротуары, как реки несли стоящих на них. С разной быстротой неслись разные тротуарные полосы, давая возможность пассажирам без труда менять скорости, переходя с одной полосы на другую. Наибольшая быстрота полос была посредине.

Спустившись с лестницы, наши ребята взошли на медленно плывущую полосу, перешли на следующую, еще на следующую, и понеслись с большой быстротой, обгоняя тех, кто был справа от них.

Огромные дома из стекла и стали. Стальные, точно кружевные, мосты перекинуты через улицу и площади. Такие же высокие башни, точно врезавшиеся в синее июльское небо — все это неслось мимо них с головокружительной быстротой.

Все это приковывало их внимание. Только позднее они обратили внимание на пассажиров этого невиданного поезда, на граждан этого нового мира.

Все это были здоровые, сильные, ловкие, как мужчины, так и женщины. Не было видно бледных, изможденных лиц, сутулых и сгорбленных фигур. Не было также грязно и бедно одетых.

Но что особенно понравилось нашим ребятам, после того, как они еще больше соприкоснулись с этим новым миром людей, так это какая-то особенная милая приветливость и общительность.

Точно все люди на земле сделались хорошими знакомыми и друзьями.

Хорошее и простое слово «товарищ», которое рабочие начали употреблять со времени Октябрьской Революции и даже еще раньше,—теперь стало выражать истинные отношения людей друг к другу. Мир превратился в единую трудовую коммуну, а все люди в дружную рабочую семью.

Звучал веселый смех, приветливо улыбались и раскланивались встречные, доносились обрывки слов оживленной беседы.

— А что это они слушают? спросил кто-то из наших ребят у Никиты Ажереса, указывая на многих пассажиров, имевших радиофонные трубки возле ушей.

— Слушают городские новости, а также новости всего мира. Радиофонные станции непрерывно сообщают обо всем значительном и важном, что происходит во всем мире.

Сейчас мы приедем в пионер-клуб, и я выдам вам также радиофонные трубки. Вы не только будете в курсе всех важнейших событий мира, но вы сможете по желанию слушать симфонические концерты Парижа, Лондона, Нью-Йорка.

Где бы вы ни находились: в городе, в поле или в лесу, вы можете соединить себя также с Центральным Домом Художественного Чтения и слушать рассказы, повести и приключения в любое время дня и ночи.

Маленькие ребята у нас любят перед сном соединять себя с Центральным Домом Сказок и Песен.

Не так давно стали входить во всеобщее употребление радиоскопы, маленькие карманные приборы, дающие возможность видеть не только того, с кем разговариваешь по радиофону, но и видеть картины природы, отдаленные от вас на сотни и тысячи верст.

— Приехали! приехали! крикнул один из «светлячков». Все засуетились и,

переходя с одной полосы на другую, направились к большому красивому зданию, на фасаде которого можно было прочесть: «Дом юных ленинцев-пионеров».

Дом юных пионеров.

ГРОМНОЕ здание с сотнями комнат. Прекрасные светлые залы, столовые, спальни, мастерские, залы для игр и физкультуры, и рядом огромный бассейн для плавания, души, ванны.

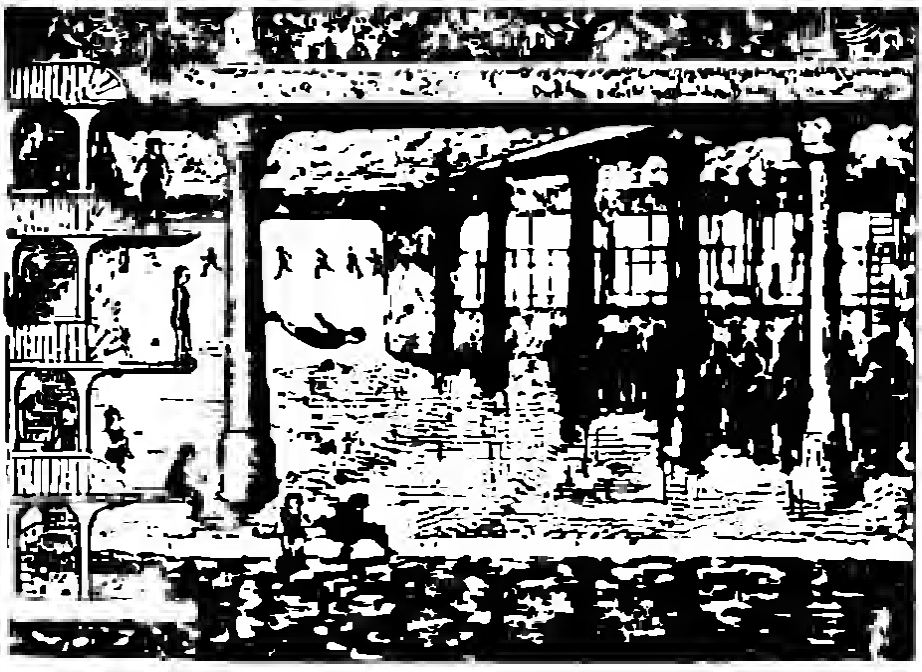


Рис. 10. И рядом огромный бассейн для купанья.

Все это необычайно изумляло и восхищало наших ребят, когда они,

после обеда в светлой и чистой столовой, осматривали дом пионеров города Афу.

Особенно понравился им тихий и уютный зал слушания, в котором сотни юных ленинцев, сидя в удобных креслах, слушали в трубки радиофонов новости мира.

Миша Суровцев взял одну из трубок, приложил к ушам и сейчас же услышал:

— Работы по соединению широким каналом Каспийского и Черного морей заканчиваются.

— Электрическая тепловая сетка для таяния вечного снега вчера удачно брошена на вершину Казбека. На днях в ущельях внизу начнут работать водяные турбины огромной мощности.

— 32-ая лаборатория для изучения жизни Тихого Океана благополучно спущена на глубину 8 верст. Для глубоководных экскурсий она будет открыта не раньше, чем через месяц. Ее местоположение: 22° с. ш. и 178° в. д. (от о. Ферро).

Но некогда было слушать нашим ребятам. Переходя из этажа в этаж, они вышли, наконец, на плоскую крышу-террасу, откуда открывался чудный вид на весь город.

В прощальных лучах заходящего солнца город из стекла и стали сверкал тысячами отраженных солнц.

Жару июльского дня уже сменяла прохлада вечера. Ребята наши дышали полной грудью и смотрели во все глаза. Над крышами домов, как и утром, они видели сотни радиолетов, летящих и парящих в воздухе, сверкая прозрачными крыльями.

А внизу движущиеся улицы были подобны быстро-бегущим потокам. Какими крохотными казались люди с высоты огромного многоэтажного дома!..

— Куда они спешат, эти люди?.. спросил Гриша.

— Домой, в города-сады, что зеленоватой лентой окружают город Афу. Здесь лишь центр деловой жизни. Завтра мы увидим эти города-сады, сказал Нипутс Ажерес. Там живет огромная часть жителей Афу. Я хочу познакомить вас с моими родителями.

Солнце уже касалось своим краем зеленеющих предместий города.

— Восемь часов, сказал Ажерес. В 9 час.—беседа у костра здесь же на крыше. Я надеюсь, что и вы, ребята, примете в ней участие. Всем нам очень интересно знать, как вы жили во времена героических битв.

С этими словами он достал из кармана трубку радиофона и сказал:

— А теперь послушаем доклад наших разведчиков о Шарике. Мы условились: в 8 час.

— Алло, слушаю...

— О Шарике. Опрос лиц, постоянно находящихся на аэроплощадке, не дал никаких результатов: никто красного свертка не видел.

Мы были в Центральном Бюро потерянных вещей—красного свертка нет и там.

В Бюро Справок нам сообщили, что в 3 часа 17 м. кто-то по радио справлялся о собачьих паразитах и тот же голос наводил справку о максимальной электронасыщенности собачьей шерсти.

В химические бани собак сегодня не поступало. В 7.20 в бюро потерянных вещей поступил пионерский платок с прилипшими к нему волосами и с запахом собаки. Платок найден в с. з. части города в туннеле подземной дороги между станциями 183А и 184Б. Поиски продолжаем. Наша радиоскопическая справка через час появится во всех пригородах. Следующий доклад завтра в 8 вечера.

— Неужели его украли? жалобно спросил Гриша. У всех лысогорских ребят можно было увидеть на лицах тревогу и печаль.

— Не думаю, ответил Ажерес. Кражи теперь совершаются очень редко. Виновниками их являются почти исключительно выходцы из стран, не так давно освободившихся от гнета капитализма.

В этих странах коммунистический быт и привычки еще не успели глубоко проникнуть в сознание населения. Во всем же остальном мире, где власть частной собственности и капитализма была давно уже опрокинута, грабежи и кражи почти вывелись. И это вполне понятно: в капиталистическую эпоху большинство преступлений совершались из-за денег, из-за имущественного неравенства, из-за нужды, жадности и желания еще больше разбогатеть. Человек человеку был волк.

Социальная революция вырвала фабрики, заводы и торговлю из рук собственников и передала их в руки трудовых коммун, или лучше сказать, в руки всего Всемирного Союза Советских социалистических республик.

Все, что вырабатывается на фабриках, распределяется теперь разумно

и целесообразно между всеми, кто трудится на пользу общую. Ничего не могут получать лишь белоручки, лодыри и лежебоки.

Да их теперь, впрочем, и нет. Коммунистическое воспитание с детства приучило людей к труду и к трудовому общежитию.

Если ваш Шарик украден, то сделать это мог лишь какой нибудь выходец из недавно коммунизированных стран, хотя и там теперь преступления становятся все реже.

Слушая Ажереса и удрученные потерей Шарика, наши ребята не заметили, как зашло солнце и наступил вечер.

Уже на темнеющем небе проступили звезды, и полная луна стала совершать свой путь.

Ажерес посмотрел на часы и сказал:

— Через 5 мин. вспыхнет в городе свет. Вы увидите, как это красиво.

Город Афу вечером

Все снова подошли к решетке, обрамляющей плоскую крышу, и стали смотреть на город.

Прошло несколько минут, и вдруг город вспыхнул светом. Наши ребята даже вздрогнули при виде неожиданно-яркой и сказочно-чарующей картины.

Матово-белые стеклянные стены всех домов в городе стали излучать свет, и на улицах стало светло, как днем.

— А где же уличные фонари и лампочки? спросил кто-то из лысогорских ребят, когда они немного освоились с фантастической картиной светящегося города.

— Их у нас в городе нет. Отдельные источники света мы сохранили лишь для освещения полей и лесов... Смотрите вон там... и Ажерес провел рукой по горизонту.

Только теперь ребята обратили внимание на круглые светящиеся шары, окаймляющие горизонт и точно висящие в небе.

— Это наше ожерелье из солнц, сказал, улыбаясь, Ажерес. Такие электрические солнца разбросаны по всей стране, или лучше сказать, по всему миру.

Что же касается наших городских домов, то прокладка в простенках двойного стекла калильных электроприемников не только освещает наши дома изнутри и снаружи, но и дает зимою тепло.

Кстати, наши зимние одежды тоже пронизаны тонкими радиоприемными тепловыми нитями, и это делает нам нестрашными самые сильные морозы.

Беседа у костра на крыше.

ОГДА наши друзья с таким интересом наблюдали ночную картину светящегося города и слушали об'яснения Ажереса, площадка за их спинами наполнялась пионерами.

Некоторые из них узнали наших ребят и теперь с интересом окружили их. Но не успела еще завязаться беседа, как шумные аплодисменты собравшихся заставили всех оглянуться.

В стройном порядке входили бразильские пионеры.

— Estu preta! крикнули организованно пионеры Афу.

— Ciam preta! дружно ответили бразильцы. Все начали размещаться на площадке для беседы у костра.

В средней части было оставлено свободное место, и на нем взгромоздили огромный ворох тонкой бумаги, нарезанной длинными лентами и засыпали все мелкими обрезками.

Прозвучал гармоничный, свисток, и шум разговоров сменился дисциплиной молчания.

Еще свисток, и вспыхнуло огромное пламя, излучавшее тепло и свет. Пламя без дыма, кроны и сажи.

Сотни светящихся искр закружились над ним и, не потухая, падали медленно на сидящих ребят.

То, что видели наши ребята накануне на лесной площадке № 117 и что поразило их тогда, теперь по сравнению с этой картиной огромного костра казалось уже совсем не интересным. Зачарованные смотрели они во все глаза.

Кто то встал, молодой и красивый на фоне этого костра, и сказал:

— Юные ленинцы-пионеры! Завтра вечером закончится наша конференция, и мы опять разлетимся по всему Уралу.

Сегодня мы зажгли наш костер. Пусть вокруг него раздаются наши звонкие пионерские песни и призывы к дружной работе.

Для начала исполним «песню и танец костра».

И вот на площадку вокруг костра вышло несколько звеньев. Старший из этих ребят поднял руку, и все присутствующие, кроме наших ребят, запели

«Песню Костра», а звенья на площадке в ритм песне стали исполнять «танец костра».

И опять наших ребят удивило умение организованно петь, а также красота и глубина содержания и мотива песни.

Несколько сот юных ленинцев, собравшихся в этот вечер на крыше, воспевали костер, как символ великой мировой революции, в котором сгорело все старое, гнилое, отжившее. Искры этого костра сравнивались с отважными и самоотверженными людьми, боровшимися с тьмой и невежеством в глубине минувших десятилетий и столетий.

«Тьма застилала очи рабочих
Слава свету познания!»..

И, в такт этой мощной костровой песне, звенья пионеров ритмически двигались, выражая то бурную стремительность пламени, то рассеянную плавность полета искр.

При свете костра, под дождем сверкающих искр, костровый танец и пенье производили на наших ребят неизгладимое впечатление.

Но вот и танец и песня кончились. Снова выступил на площадку стройный вожатый и, обращаясь к собранию, сказал:

— Ребята! Сегодня на слете мы приветствовали небывалых гостей: звено пионеров из 1924 года.

Сейчас они среди нас! (Все лица с интересом повернулись к нашим ребятам). Пусть же они расскажут нам о своей жизни или о каком нибудь событии этого далекого от нас года. (Гром аплодисментов и крики: «просим!.. просим!..»)

Необычайная обстановка и всеобщий интерес к ним на минуту сконфузили наших ребят, но они быстро оправились.

Сережа сделал рукою знак, и все звено вышло на площадку.

Настала тишина, и лишь едва слышен был тихий шелест огненных языков пламени.

Вот как начал Сережа свой рассказ:

— Ребята, наше звено «Красные Звезды» по специальности столяры. В клубе у нас своя столярная мастерская... Есть звеновой уголок и стенная газета... А что касается событий, то в этом году умер наш вождь, «дедушка» Ленин... (Едва только Сережа произнес последнее слово, как все собрание встало и тихо и торжественно запело похоронный марш). Потом Сережа продолжал:

— Да, ребята, в этом году умер наш Ильич... 21-го января в 6 ч. 30 м. вечера.

Весть об его смерти в тот же день облетела весь мир, и слезами наполнились глаза рабочих всех стран и народов, и больно сжались их сердца... Не стало великого вождя... В день и час его похорон загудели гудки всех фабрик и заводов во всем великом союзе республик, и миллионы людей на улицах сняли шапки и преклонили до земли красные знамена. Его похоронили в Москве у стен Кремля на Красной площади, на которой он много раз в своей жизни произносил пламенные речи и звал к борьбе и победе.

Рис. 11. Его похоронили у стен Кремля.

И в этот день и в следующие дни и месяцы миллионы людей давали клятву выполнить все заветы Ильича. В несколько дней 100.000 рабочих вступили в Компартию, чтобы продолжать дело, начатое вождем.

И мы, юные пионеры и юные спартаки, также поклялись идти по стопам Ильича, и в знак того, что это так и будет, с этого дня стали называться «юными ленинцами, пионерами коммунизма!»..

С большим воодушевлением произнес эти слова Сережа, и бурные аплодисменты были ответом на них.

Звено возвратилось на свое место. На площадку затем вышел старший вожатый бразильских пионеров. Вот что он сказал:

— От имени моих товарищей, бразильских пионеров-ленинцев, сердечно благодарю вас за гостеприимство и радушный прием.

Сейчас мы с большим интересом выслушали речь вожатого звена пионеров из 1924 г. о смерти нашего незабвенного вождя, портрет которого вы найдете в каждой индийской хижине в Южной и Северной Америке.

Послезавтра мы улетим обратно в нашу страну, и нам было бы весьма

приятно, если бы звено «Красные Звезды» вместе с другими уральскими пионерами полетели с нами на наш юбилейный праздник.

Свидетели и участники Октябрьской революции будут желанными гостями пионеров Советских Республик Южной Америки.

Эта речь была произнесена на языке эсперанто, и наши ребята, по тому интересу, который можно было прочесть на лицах слушателей, видели, что они понимают этот язык; лысогорские же ребята, к стыду своему, не поняли ни одного слова.

Нипутс Ажерес, заметив это, наклонился и тихонько сказал нашим ребятам о приглашении бразильских ребят.

— Полетим!.. Полетим!.. Конечно, полетим!.. зашептали друг другу наши ребята.

— А только как же без Шарика?.. спросил вдруг Гриша Степанов, и от этого вопроса у всех потускнело желание лететь в Америку.

Опять помог Ажерес. Он сказал:

— Ну, так что же? Через неделю вы вернетесь, а к тому времени мы Шарика разыщем... Да и Шарик вряд ли очень интересуется Америкой, прибавил он улыбаясь.

Улыбнулись и наши ребята и единогласно решили принять приглашение бразильских пионеров.

Сережа вышел и сказал:

— Мы очень благодарим дорогих товарищей из Бразилии и с удовольствием полетим с ними.

Как всегда организованные (а не беспорядочные) аплодисменты бразильских пионеров были ответом на эти слова.

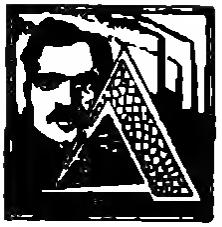
Остальная часть этого вечера прошла в пении и декламации русских и бразильских песен и стихотворений.

Вечер закончился. Сразу погас костер. Над светлым городом по темному небу плыла луна. Стали все расходиться. Пошли и наши ребята, а слова и мотив припева последней песни все еще звучали в ушах:

Так в ногу, ленинец!..
Вперед на смену!..
Зажжем повсюду костер сердец!
Звено к звену,
Отряд к отряду,
Растет из ленинца боец!

Полные столь разнообразных впечатлений этого дня наши лысогорские пионеры не сразу заснули в мягких и удобных постелях общежития Пионерского дома.

За городом.



ПОСЛЕ купания в бассейне и утреннего «далекоша» на следующий день, наши ребята доканчивали осмотр пионер-дома, потом снова любовались с крыши террасы видом города и ждали Ажереса, который обещал им показать окрестности города и познакомить с своей семьей.

Сотни радиолетов бороздили небо в разных направлениях, и вот ровно в 11 час. утра один из радиолетов над ними остановился и стал тихо спускаться. Это был радиолет Ажереса Нипутса. Он весело приветствовал наших ребят и пригласил их войти в кабинку.

Через минуту они уже летели над городом, описывая круги и поднимаясь все выше и выше. И город с его лучами улиц и зеленая лента садов вокруг него были как на ладони.

Потом радиолет полетел по наклонной линии, снижаясь к зеленеющим городам-садам.

Десятки тысяч маленьких домиков утопали в зелени этих садов. Там и тут среди них блестели зеркала озер, а движущиеся стальные улицы, как реки текли из города и в город, привозя и увозя людей.

Во многих местах поверх зелени садов поднимались фонтаны, освежая томительный зной июльского дня.

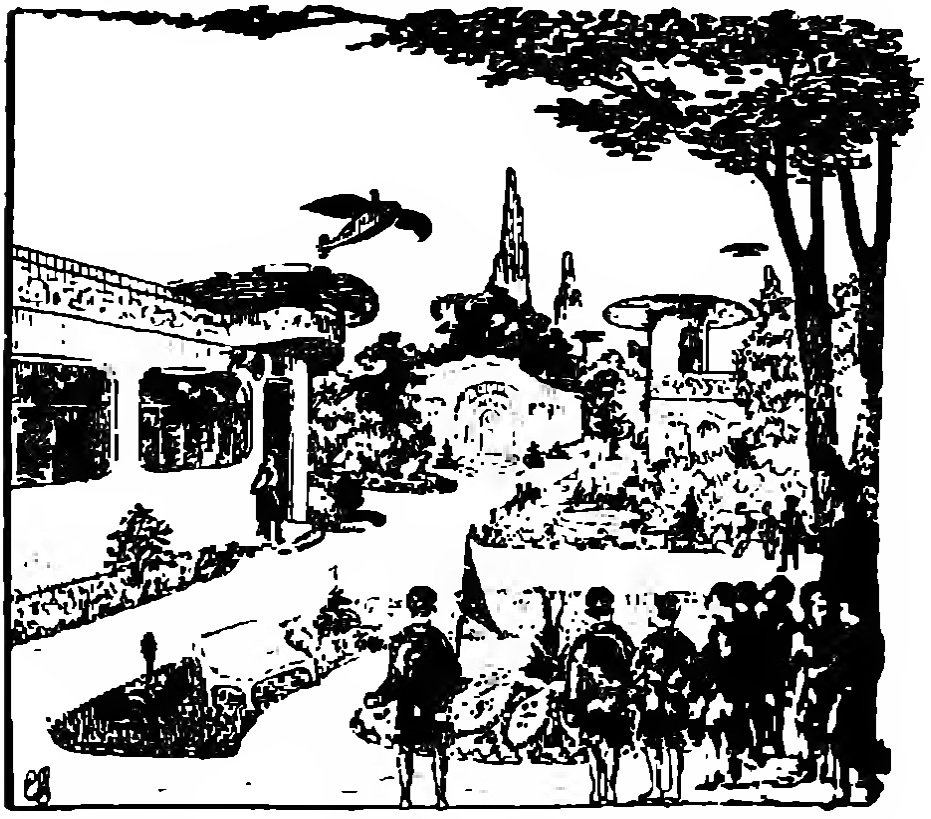


Рис. 12. Во многих местах поднимались фонтаны.

Радиолет стал планировать, а потом, остановившись в воздухе, тихо опустился вниз на площадку среди густой растительности.

Ажерес и наши ребята вышли и через минуту входили в красивый матово-стеклянный домик, в котором жили родители Нипутса Ажереса.

Их встретила на террасе высокая красивая женщина с приветливым лицом.

«Как она похожа на мою маму», подумал Сережа.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребятки... Мне говорил о вас Ажерес. Рада вас видеть... Надеюсь, вы благополучно добрались до нас из такого далекого от нашего времени года.

— Да, но только Шарика потеряли... ответил за всех Гриша Степанов.

— Нашу собачку, пояснил Ваня Петенко.

«Как она походит на мою маму», снова подумал Сережа. «И даже голос такой же... Но только лицо у мамы было всегда усталое, озабоченное, и она не смотрела такими приветливыми, лучистыми глазами.

— Ничего, Шарик, вероятно, скоро найдется, сказал Ажерес. Ну, посмотрим, ребята, как живут мои «старики». С этими словами Ажерес повел их смотреть жилище своих родителей.

— А разве ты не с ними живешь?

— Нет, я учусь... Мы живем трудовой коммуной — лагерем на склонах

Ямантау. В прошлое лето отец с матерью жили в этом домике там же на склонах Ямантау.

— В этом домике на склонах Ямантау? Как же это возможно?.. спросил Гриша Степанов.

— Что же тут невозможного?.. Ведь это так близко, несколько сот верст всего. А вот позапрошлым летом этот домик стоял на берегу реки Нила в Египте. Ведь мама у меня—заведующая урало-африканским воздушным транспортом.

Наши ребята с большим уваженьем посмотрели на эту женщину, занимающую такую важную должность.

Но они еще не знали, что после Всемирной Социальной Революции всеобщее образование, всеобщий труд совершенно уравняли мужчин и женщин. Общественное питание постепенно освободило женщину от кухни, от стирки, от мелких забот по хозяйству, и женщина разогнула свою спину и стала во всем товарищем и сотрудником мужчины.

Столь же образованные, как и мужчины, женщины также энергично принялись работать над созданьем нового мира, над улучшеньем жизни людей на земле. Творческий труд на пользу общую

согнал с лица матерей усталость и разгладил морщины, которые накладывали на них постоянная нужда, заботы и огорчения. Лица матерей стали такими же приветливыми, как лицо матери Нипутса Ажереса.

Она шла впереди наших ребят и знакомила их с обстановкой и убранством их небольшого домика в несколько комнат. Все это было практично, чисто и красиво.

Потом все разместились за столом на террасе-веранде и принялись завтракать.

Никогда еще с таким аппетитом не завтракали наши ребята, как в этот день на веранде стеклянного домика.

Когда вода, стоящая в красивом сосуде на столе, закипела, как только в нее опустили радиоприемную пластинку, мама Нипутса приготовила такой вкусный напиток, какого никогда прежде не пивали наши ребята. Он не только был вкусным, но и очень питательным.

Приготовление пищевых продуктов было признано после Мировой Революции делом чрезвычайно важным. Сделать пищу вкусной, питательной и освободить ее совершенно от вредных бактерий — вот на что устремилось

внимание целой армии ученых биологов, бактериологов и гигиенистов. И они с успехом справились с этой задачей. Пищевые фабрики вырабатывали для всех совершенно доброкачественные продукты.

Общественные столовые мирового питания (мирпит) обслуживали все человечество, и в грязных кухнях жилищ уже не копошились женщины над приготовлением пищи.

Вот что узнали наши ребята от Ажереса и его мамы.

После завтрака все пошли в тенистый сад, окружающий домик.

И вот, когда спускались с веранды, Гриша сказал, обращаясь к Ажересу:

— Я все думаю: как это могло быть, чтобы в этом домике можно было одно лето жить на Урале, другое в Египте? Разве дом разборный и его можно перевозить?..

— Нет, он не разборный, но переносить его с места на место совсем не трудно... Вон, видишь, на крыше кольцо для якоря, спускаемого с аэролета-тяжеловоза.

Ваши аэропланы не могли подниматься отвесно вверх. Они, прежде чем подняться, бежали некоторое время по земле и, само собой разумеется, к ним

нельзя было подвешивать снизу какие либо тяжести.

Наши радиолеты в этом отношении похожи на орла или на коршуна, который хватает добычу, иногда такую же большую, как он сам, и поднимается с нею вверх. Наши радиолеты-тяжеловозы обладают огромной грузоподъемностью, и перенести такой домик, как наш, им совсем не трудно.

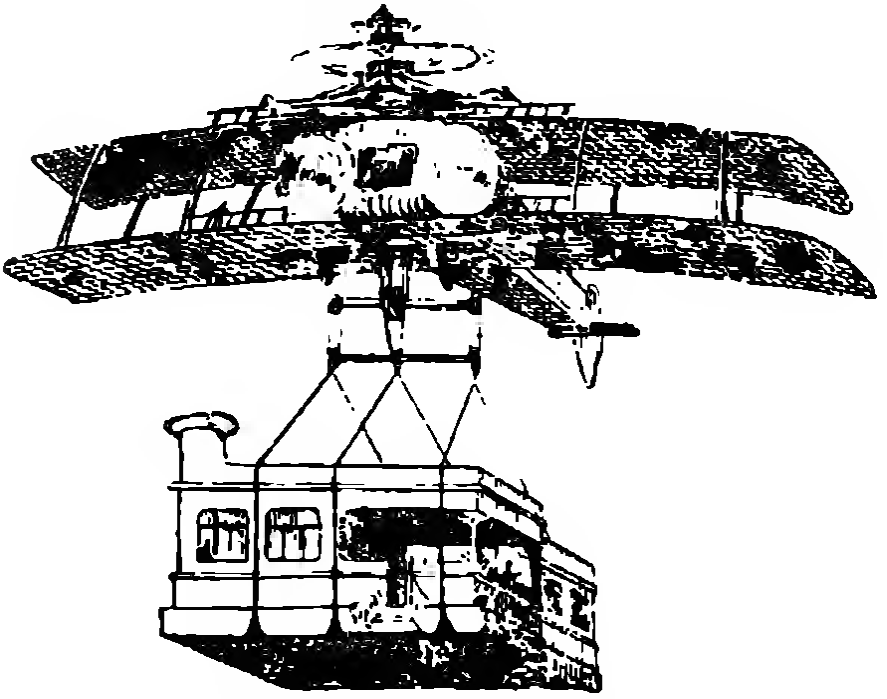


Рис. 13. Наши радиолеты-тяжеловозы обладают огромной грузоподъемностью.

— Как Шарика вчера утром? вспомнил, улыбаясь, Гриша Степанов. Все засмеялись при этом сравнении.

— А вы были в своем домике, когда он летел, как Шарик по воздуху? снова спросил Гриша.

— Да, конечно... в нем ведь удобнее, чем в кабинке радиолета, ответила мама Ажереса.

После прогулки по саду, Ажерес предложил нашим ребятам полететь на аэродром, где должны были сегодня происходить аэроигры.

Конечно, разве можно было отказаться от такого предложения? Простились с мамой Ажереса.

И вот они снова на радиолете. Снова высоко над землей с мелодичной музыкой летит их стальная птица.

Аэроигры.

ОЗДУШНЫЕ привязные шары разных цветов обозначали границы воздушного поля, на котором должны были происходить аэроигры и состязания.

Вне границы воздушного поля неподвижно парили в воздухе тысячи аэролетов с десятками тысяч зрителей. Другие десятки тысяч смотрели с земли, а движущиеся тротуарные полосы привозили из города все новые и новые сотни и тысячи зрителей.

И это вполне понятно. В программе дня: всеуральское состязание в аэробол.

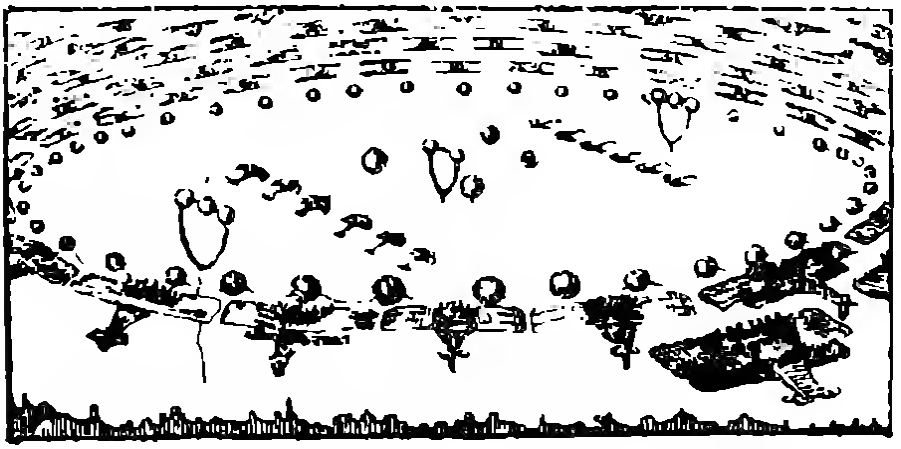


Рис. 14. Всеуральское состязание в аэробол.

Наши ребята прилетели как раз к началу. С судейского аэролета раздались мощные, но гармоничные звуки сигнальной трубы, и тотчас шесть красных радиолетов, с одной стороны поля, и шесть оранжевых, с другой, вступили в границу поля, и выстроились друг против друга.

Сигнальная труба проиграла еще раз, и с земли на средину воздушного поля медленно поднялись 2 красных и 2 оранжевых шара, уравновешенных в воздухе балластом на тонких шнурах, почти касающихся земли.

Затем на двух концах поля поднялись по три небольших шара, соединенных между собой с землей цветными лентами.

Они образовали двое ворот, как на футбольном поле. Третьи ворота меньшего размера поднялись в средней части поля.

Расстояние между большими воротами было не меньше $1^1/_2 - 2$ километров.

Резкий звук трубы дал сигнал к началу аэробола. Игра началась.

Радиолеты, перед пропеллерами которых были выдвинуты пешни по очереди, красные и белые, подлетали к шарам и, толкая пешнем, старались

вогнать шары в средние ворота, а потом в большие на противоположной стороне.

Оранжевые и красные шары под ударами радиолетов носились по полю, сталкиваясь или проскакивая ворота при оглушительных аплодисментах сотни тысяч зрителей.

Игра напоминала крокет.

Наши ребята с захватывающим интересом следили за этим невиданным состязаньем.

Вдруг все они сразу почувствовали тиканье радиофонных трубок в своих карманах.

Они их получили сегодня утром.

Приложив трубки к ушам, все они услышали одно и то же: «Бразильские пионеры приглашают звено «Красной звезды» сейчас же после аэроигр на совещание по выбору маршрута завтрашнего путешествия».

Сережа за всех ответил: «Будем! Спасибо!...» И вот, когда аэробол закончился под шумные аплодисменты — в честь победителей-оранжевых — наши ребята полетели в город с целой стаей больших и маленьких радиолетов.

Вот что они услышали в кабинке от Ажереса Нипутса:

— Вы уже знаете, ребята, что наши радиолеты отличаются от ваших аэропланов тем, что на них нет моторов, производящих силовую энергию. Энергия притекает извне через приемники. Но еще большее отличие в скорости тех и других. Как велика была рекордная скорость у вас в 1924 г.?

Миша Суровцев, который считал себя спецом в вопросах авиации, ответил:

— 403 километра в час.

— Ну вот видите, а у нас теперь 840, и мы на пути к достижению скорости начального полета пули.

— Но как же тогда дышать при такой скорости? Дух захватит... сказал Коля.

— Герметическая закупорка кабинки и генератор кислорода в ней совершенно устраняют опасности удушья от быстроты полета. Кабинка аэролета превращается у нас как бы в снаряд, летящий с огромной скоростью.

— А как скоро мы прилетим в Бразилию?

— Через Атлантический океан можно долететь часов в 14, а через Великий в трое больше.

Конечно, если нигде не будете останавливаться.

Выбор маршрута.

Большое оживление было в пионер-доме. Расходились делегаты с только что закрывшегося 143 Всеуральского слета пионеров.

После обеда в великолепной столовой наши ребята отправились в Зал Совета на совещание с бразильскими пионерами о направлении завтрашнего полета.

Бразильцы были уже все в сборе и дружески приветствовали наших лысогорцев.

Все уселись. Среди наших ребят сел переводчик языка эсперанто.

Вот что сказал председатель, открыв заседание, нашим ребятам:

—Дорогие товарищи! От вас будет зависеть выбор направления нашего пути в Бразилию: на восток лететь или на запад.

Нам хотелось бы показать вам места, наиболее интересные во всех отношениях. Их много и на востоке и на западе. Наши ребята разделились на две партии: восточников и западников.

И вот представители обоих партий сейчас развьют перед вами свои соображения.

Слово предоставляется представителю западников тов. Кимо Руджо. На трибуну поднимается Кимо Руджо.

— Дорогие братья! Нужно лететь на запад! Нельзя миновать Москву, нельзя не увидеть Берлина, Парижа, Мадрида, где столько прекрасных памятников героям великих пролетарских битв.

Неужели вы не захотите увидеть, какою теперь стала Москва, ее новые сады и грандиозные стеклянные здания и, наконец, грандиозный памятник Ленину на горах, которые в ваши дни

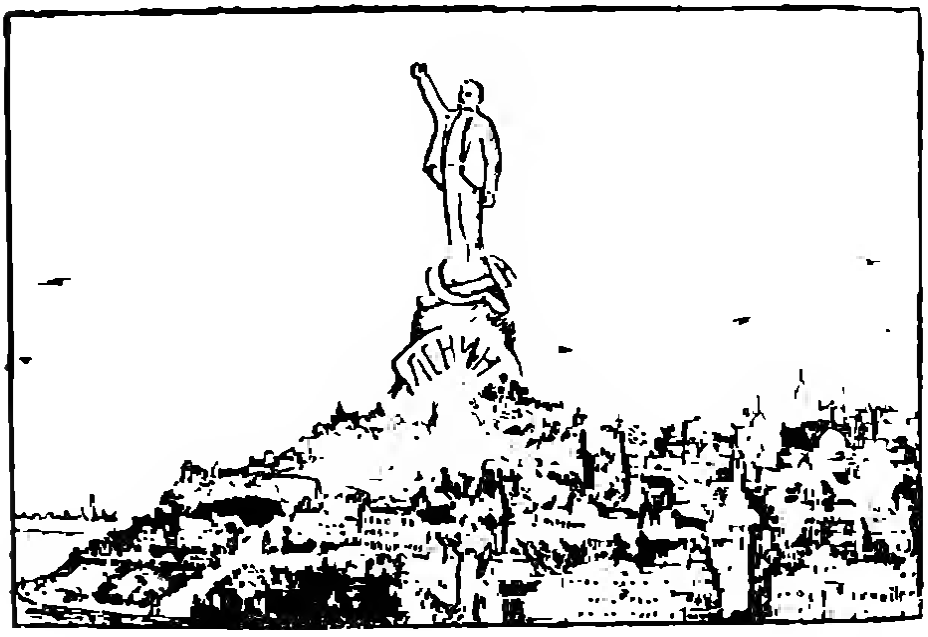


Рис. 15. Грандиозный памятник Ленину.

назывались Воробьевы горы. Вам, конечно, нужно посетить могилу Ильича на Красной площади и рядом осмотреть Дворец Труда.

На западе увидите вы чудо техники: гигантские сверлильни гор и грандиозные каналороющие плуги. А реки Рейн, Гаронна, Эбро!.. Вы не узнаете теперь совсем их: так много в них воды, текущей из ущелий снежных гор, где тепловые сетки плавят вечный лед и где работают гигантские динамо, в движение приводящие всю срединою Европу.

Мы полетим над океаном. Мы будем видеть с высоты глубоко дно морское и к вечеру того же дня увидим цветущий берег и город Рио-де-Жанейро.

На запад полетим! На запад!.. Я кончил...

— Слово предоставляется представителю восточников тов. Баталио Гранда.

— Нет, нет, друзья мои, конечно, на восток!

Пусть долог путь, зато, чем дальше, тем больше интересного.

Советская Китайская Республика пред вами—огромный муравейник творческой энергии, пустыня Гоби в ваше время, а теперь огромное синеющее внутреннее море, заполненное видами электротающих снегов и ледников.

А Тибет? Когда то, в прошлом, пустынное нагорие, а теперь гигантский возбудитель электрической энергии. дающий Азии тепло и свет. А Ленину гигантский монумент на Гималаях, воздвигнутый миллионами рабочих Советской Индии под руководством Центрального Бюро благоустройства земного шара. А грандиозные мосты стальные на основах Малайского архипелага, глубоководные лаборатории поизучению морского дна, огромные подводные дворы—ограды для китов, утилизация кипящей лавы вулканов Мауна-Лоа и Мануа-Кеа на Таити и много интересного еще.

Друзья мои! Без колебаний мы завтра на восток отправимся, конечно... Выбор ясен... Выбирайте!... Я кончил.

Все взоры бразильских пионеров теперь обратились на наших ребят.

Председатель сказал: «Посоветуйтесь и скажите ваше мнение».

Началось совещание. Ребята перебирали и те и другие доводы, и при голосовании тоже разделились на восточников и западников.

Тогда кто-то из них предложил разделиться: западникам ехать на запад, восточникам на восток: «все равно в Рио-Жанейре с'едемся».

На это Сережа Ступин ответил:

— Нет, это не дело, ребята. Ехать, так вместе.

Давайте решать что-нибудь одно. И вот снова начались споры. Неизвестно, как долго бы они продолжались, если бы самый маленький из наших ребят, Гриша Степанов, не сказал:

— Поедем в Бразилию на запад, а вернемся назад с востока. Значит, кругом света. Вот все и увидим.

Это простое предложение всех примирило, и когда председатель спросил их, куда они решили ехать, Сережа Ступин за всех ответил двумя словами:

— Кругом света.

— И тогда мы увидим все! прибавил Ваня Петенко.

Организованными аплодисментами бразильцы выразили свое одобрение мудрому решению. Вылет был назначен на 10 час. утра на следующий день.

Долой поповские имена.

ЕБЯТА, возвращаясь в свое общежитие, вели такой разговор:

—А все таки это скверно, что мы не знаем языка эсперанто, ведь для международных с'ездов он незаменим.

— Я изучал его немного в прошлом году, сказал Миша Суровцев. Кимо Руджа значит Красный Ким—так зовут первого оратора.

А Баталио Гранда это, кажется, значит Великая Битва.

— Мне нравится, что их так зовут, и совсем не нравятся наши имена Вани, да Мани, да Сережи, которые нам надавали попы при крещении. Давайте, ребята, переменим имена.

Назовем себя именами, связанными с революцией и·ее героями, предложил Коля Чернов.

— Я слышал, что в Ленинграде, в Москве, на Украине, уже так давно делается, только мы в нашем Лысогорске живем по старинке.

— Я буду звать себя тоже «Красный Ким».

— А я — Красарм (Красная Армия).

— А я — Юль, что значит юный ленинец.

— А я назову себя Ревмир (Революция мировая).

— А я себя Спартаком, потому что я преклоняюсь пред его геройством.

— А я себя Владленом, в честь Ильича.

— Я буду Октябрем, сказал Сережа Ступин, и прибавил:

— А старые поповские имена забудем навсегда.

Вдруг Ревмир, посмотрев на часы на стене, с испугом сказал:

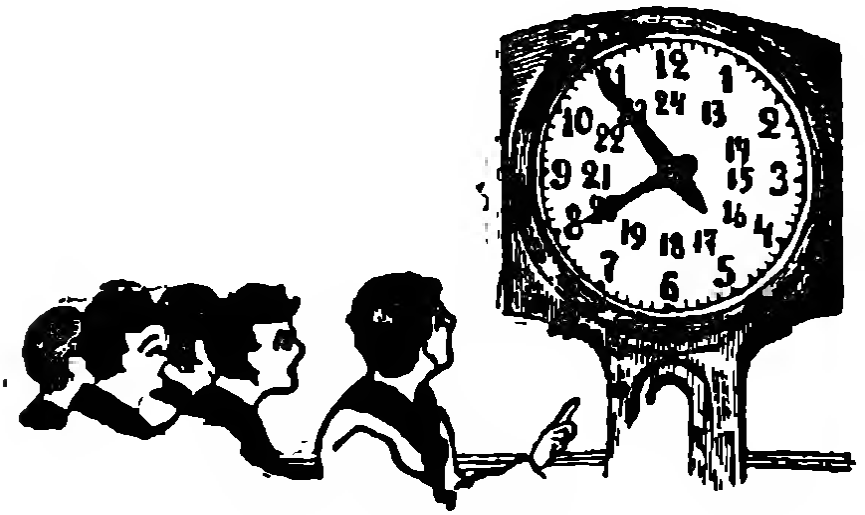


Рис. 16. Без пяти восемь.

— Ребята! Мы чуть не прозевали: без 5—8. Сейчас по радиофону будет доклад о Шарике. Бежим скорее к Ажересу.

Со всех ног пустились наши ребята разыскивать Ажереса Нипутса.

Он был на террасе-крыше, и в тот момент, когда ребята подбежали к нему, держал трубку радиофона в руке и смотрел на часы.

Ребята окружили его и тоже вытащили радиофонные трубки.

С бьющимся сердцем от страха за Шарика и от быстрого бега «Красные Звезды» стали ждать доклада ребят, отправленных на поиски. Сейчас они должны сообщить результаты: уже 8 час. и 3 мин. Ждут... уже 8 час. и 8 мин.... Ждут с напряженным вниманьем. Уже 8 час. и 12 мин. На лицах у всех озабоченность и тревога. Ажерес с недоуменьем пожимает плечами.

Уже 8 час. и 15 мин. Не случилось-ли чего-нибудь ужасного? Сердце от страха за Шарика колотится еще сильнее...

И вдруг из трубки в уши радостный крик: «Нашли!!! Нашли!!!»

От этого крика Сережа радостно встрепенулся и открыл глаза.

Было раннее утро. Солнце уже взошло за лесом. На деревьях блестела роса алмазными искрами. Над равниной и над Лысогорском стлался легкий туман.

Ребята спали. Только Шарик, лежа возле Мони Гирш и подняв голову, постукивал хвостом по земле. Потом встал и зевнул. Проснулся Моня и обнял его рукой за шею.

— Не трогай его, Моня, у него паразиты... сказал Сережа.

— А здорово мы проспали! Ну, да часа через 2 будем у лесопильного завода, сказал Моня и стал рассматривать карту, лежащую со вчерашнего вечера на земле.

— Я вам вечером расскажу у костра про Ажереса Нипутса... сказал через минуту Сережа.

— А что это такое? спросил Моня, но Сережа, задумавшись, не ответил. Прошло минуты две, как вдруг Моня сказал, улыбаясь:

— А я знаю, что это такое: это нужно прочитать сзади наперед...

Сережа прочел и удивился, а потом сказал:

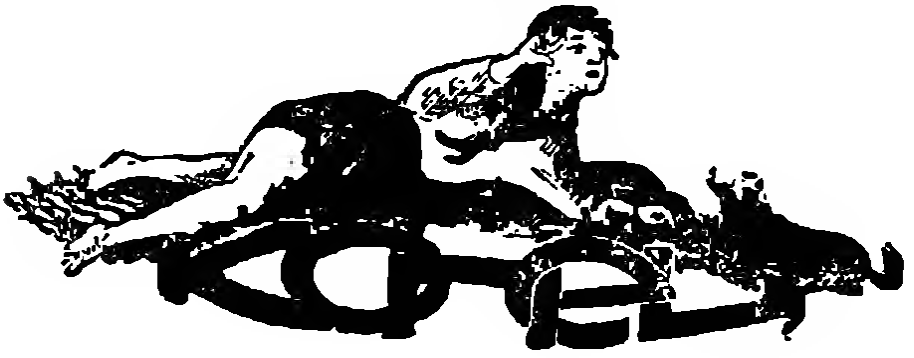
— Ты меня больше поповскими именами не зови. Меня зовут Октябрем.

строго сказал Сережа. Тебя не было, а мы себе имена переменили...

— Когда?! спросил Моня, но Сережа опять задумался и ничего не ответил.

Стали ворочаться и просыпаться остальные ребята.

Шарик яростно скреб и кусал зубами блох на своем боку.



ЦЕНА 35 КОП.